

За несколько лет до того времени, как в шумном Иолке вероломно овладел царским престолом коварный Пелий, дивные дела совершились на другом конце греческой земли — там, где среди гор и долин Арголиды лежал древний город Микены.

Жила в этом городе в те дни девушка, по имени Алкмена.

Она была так прекрасна, что, встретив её на своём пути, люди останавливались и в безмолвном удивлении смотрели ей вслед.

Она была столь умна, что самые мудрые старцы порою вопрошали её и дивились её разумным ответам.

Она была так добра, что пугливые голуби из храма Афродиты, не дичась, опускались, чтобы ворковать у неё на плечах, а соловей — Филомела — пел по ночам свои звонкие песни у самой стены её дома.

И, слыша, как он поёт среди розовых кустов и виноградных лоз, люди говорили друг другу: «Смотрите! Сама Филомела славит красоту Алкмены и удивляется ей!»

Беззаботно росла Алкмена в отеческом доме и даже не думала, что ей придётся когда-нибудь покинуть его. Но судьба судила иначе...

Однажды в городские ворота Микен въехала запылённая колесница. Высокий воин в блестящих доспехах правил четвёркой усталых коней. Это отважный Амфитрион, брат аргосского царя Сфенела, приехал в Микены искать себе счастья.

Услышав грохот колёс и храп коней, Алкмена вышла на крыльцо своего дома. Солнце садилось в этот миг. Червонным золотом рассыпались его лучи по волосам прекрасной девушки, пурпуровым блеском окутали её всю. И как только Амфитрион увидел её на крыльце у двери, он забыл все на свете.

— Куда я поеду дальше и зачем? — сказал он сам себе. — Вот передо мной стоит моё счастье.

Не прошло и нескольких дней, как Амфитрион отправился к отцу Алкмены и стал просить его выдать дочку за него замуж. Узнав, кто такой этот молодой воин, старик не стал возражать ему. Весело и шумно отпраздновали микенцы брачный пир, а потом Амфитрион посадил жену на пышно украшенную колесницу и увёз её из Микен.

Но они не поехали в родной город Амфитриона — Аргос: туда ему нельзя было возвращаться.

Не так давно на охоте он нечаянно убил копьём своего племянника Электрия, сына старого царя Сфенела. Разгневанный Сфенел прогнал брата из своих владений и запретил приближаться к аргосским стенам. Он горько оплакивал погибшего сына и молил богов, чтобы они послали ему ещё одного ребёнка. Но боги оставались глухи к его мольбам.

Вот почему Амфитрион и Алкмена поселились не в Аргосе, а в Фивах, где был царём дядя Амфитриона, Креонт.

Тихо текла их жизнь. Одно только огорчало Алкмену: муж её был таким страстным охотником, что ради погони за дикими зверями на целые дни оставлял молодую жену дома.

Каждый вечер выходила она к воротам дворца, чтобы дожидаться нагруженных добычей слуг и утомлённого охотой мужа. Каждый вечер закатное солнце, как бывало в Микенах, снова одевало её в свои пурпуровые одежды. Тут однажды на пороге дворца освещённую алым светом зари Алкмену увидел могучий Зевс, самый сильный из всех греческих богов, и, увидев, полюбил её с первого взгляда.

Зевс был не только могуч, но также хитёр и коварен. Хотя у него была уже жена, гордая богиня Гера, он захотел взять и Алкмену себе в жёны. Однако сколько ни являлся он ей в сонных видениях, как ни уговаривал разлюбить Амфитриона, всё было тщетно.

Тогда коварный бог задумал покорить её лукавым обманом. Он сделал так, что вся дичь из всех лесов Греции сбежалась в те фиванские долины, где в то время охотился Амфитрион. Тщетно убивал неистовый охотник рогатых оленей, клыкастых кабанов, легконогих коз: их с каждым часом становилось вокруг него всё больше и больше. Слуги звали своего хозяина домой, а он никак не мог оторваться от любимого развлечения и день за днём, неделю за неделей охотился, забираясь всё дальше в глубь лесных дебрей. Тем временем сам Зевс превратился в человека, как две капли воды похожего на Амфитриона, вскочил на его колесницу и поехал в фиванский дворец.

Услышав знакомое цокание копыт и звон доспехов, Алкмена выбежала на крыльцо, радуясь тому, что увидит наконец долгожданного мужа. Чудесное сходство обмануло её. Она доверчиво бросилась на шею лживому богу и, называя милым своим Амфитрионом, повела его в дом. Так при помощи волшебства и обмана Зевс стал мужем прекрасной Алкмены, пока настоящий Амфитрион охотился за зверями далеко от своего дворца.

Прошло немало времени, и у Алкмены и Зевса должен был родиться сын. И вот однажды ночью, когда Алкмена мирно спала, вернулся настоящий Амфитрион. Увидев его поутру, она ничуть не

удивилась этому: ведь она была уверена, что муж её давно дома. Вот почему этот обман, придуманный Зевсом, остался нераскрытым. Повелитель же богов, удалясь из фиванского дворца, возвратился в своё заоблачное жилище на высокой горе Олимп. Зная, что у старшего брата Амфитриона, аргосского царя Сфенела, нет детей, он задумал сделать своего сына наследником Сфенела и, когда он родится, отдать ему Аргосское царство.

Узнав об этом, сильно разгневалась ревнивая богиня Гера, первая жена Зевса. Она возненавидела Алкмену великой ненавистью. Ни за что не хотела она, чтобы сын этой Алкмены стал аргосским царём.

Задумав погубить мальчика как только он появится на свет, Гера тайно явилась к Сфенелу и пообещала, что у него родится сын Эврисфей.

Ничего не ведая про это, Зевс созвал всех богов на совет и сказал:

— Выслушайте меня, богини и боги. В первый день полнолуния, когда луна станет совсем круглой, родится на свет мальчик. Он будет царствовать в Аргосе. Не подумайте сделать ему что-нибудь дурное!

Услышав такие слова, Гера спросила с хитрой улыбкой:

— А если в этот день родятся сразу два мальчика, кто будет тогда царём?

— Тот, кто родится первым, — ответил Зевс. Ведь он был уверен, что первым родится Геракл. Он ничего не знал об Эврисфее, будущем сыне Сфенела.

Но Гера улыбнулась ещё хитрей и сказала:

— Великий Зевс, ты часто даёшь обещания, о которых потом забываешь. Поклянись перед всеми богами, что царём Аргоса будет тот мальчик, который родится первым в день полнолуния.

Зевс охотно поклялся. Тогда Гера не стала терять времени даром. Она позвала богиню безумия и глупости Атэ и приказала украсть у Зевса память. Как только Зевс потерял память, он забыл об Алкмене и о ребёнке, который должен был родиться у неё.

Вот почему случилось так, что сын Зевса, Геракл, ещё до своего рождения потерял отца. Но зато он нашёл в Амфитрионе доброго и заботливого отчима.

Между тем наступил день полнолуния. Гера набросила на себя чёрную одежду, чтобы её никто не узнал, и полетела в Аргос. Там она сделала так, что сын аргосского царя Эврисфей родился на целый час раньше, чем сын Алкмены Геракл.

Когда оба мальчика уж лежали в своих колыбельках, один в Аргосе, а другой в Фивах, Гера вернулась на гору Олимп, в жилище богов, и приказала богине глупцов Атэ возвратить Зевсу память. Потом она созвала всех богов и богинь и сказала:

— Выслушай меня, отец Зевс, а вы, боги, будьте свидетелями. Сегодня, в день полнолуния, первым родился на свет Эврисфей — сын аргосского царя Сфенела. Помните ли вы все, что сказал Зевс? Теперь Эврисфей и будет царём над Аргосом, а маленький Геракл должен ему подчиняться во всём!

Услышав это, Зевс пришёл в страшную ярость.

Он сразу же догадался, что его одурачила Атэ — Глупость. Схватив богиню глупцов за рыжие волосы, он сбросил её вниз с Олимпа.

С тех пор Атэ не смеет вернуться в жилище богов. Зато она вечно трётся среди людей. И если кто-нибудь из вас захочет сделать глупость, пусть он спросит себя: уже не проделки ли это

большеротой и длинноухой рыжей Атэ? Наказав Атэ, Зевс сделал только первую половину дела. Поэтому он сейчас же повернулся к богам и сказал: — Слушайте меня, боги! Я не возьму назад моей клятвы: Эврисфей будет аргосским царём. Но зато я сделаю Геракла могущественнее и сильнее всех царей на земле. Когда этот мальчик вырастет, он совершит двенадцать великих подвигов, и в награду за эти подвиги вы, боги, сделаете его бессмертным. Так решил я, Зевс. Горе тому, кто вздумает изменить моё решение!

Сказав это, Зевс грозно

взглянул на Геру, но Гера подумала про себя:

«Ещё неизвестно, удастся ли Гераклу совершить хоть один подвиг. Во всяком случае мы с Атэ по своему вмешаемся в его дела».

Увидев мрачное лицо Геры, Зевс задумался. Он подозвал к себе свою любимую дочь Афину и попросил её день и ночь следить, чтобы никто не сделал Гераклу какого-нибудь зла.

Между тем мальчик Геракл спокойно лежал в своей колыбели рядом с братцем Ификлом. Они родились близнецами, в один день и час, но были совсем не похожи один на другого. Геракл был сильный, здоровый мальчик. Он в первый же день так буянил в тесной люльке, что её пришлось прикрепить к полу, — иначе она опрокинулась бы. А Ификл был сонливый и слабенький, он лежал неподвижно, как все новорождённые дети.

Наступила ночь. Афина — богиня мудрости — послала к Амфитриону свою любимую сову, самую умную из всех птиц. Пушистая сова неслышно летала над колыбелью Геракла и обмахивала его мягкими крыльями. От этого ребёнок умнел с каждым часом.

Но богиня Гера твёрдо решила погубить его; она ни за что не хотела, чтобы сын ненавистной Алкмены сделался сильнее и могущественнее её любимца Эврисфея.

Как только стемнело, Гера пошла в ядовитое болото, выбрала там двух самых сильных и самых страшных змей и потихоньку принесла их к дому Амфитриона. Чтобы не вышло какой-нибудь ошибки, Гера решила убить обоих мальчиков. Одна змея должна была ужалить Геракла, а другая Ификла. Хуже всего было то, что, едва дети уснули, сова неслышно сорвалась с карниза и улетела. Ей непременно нужно было наказать крыс, которые сгрызли пряжу богини Афины.

Усталая мать близнецов Алкмена тоже заснула, оставив у колыбели, по совету мудрой совы, двенадцать рослых прислужниц. Но прислужницам скоро надоело сидеть в темноте. Одна за другой они начали дремать. Головы их опускались всё ниже и ниже. Они зевали все разом до тех пор, пока не заснули крепким сном. А змеи ползли да ползли и через широкий двор, прямо по

лестнице, приползли к колыбели. Ровно в полночь маленький Геракл проснулся. Он лежал в темноте, сосал кулак и слушал во все уши, потому что был умён не по возрасту. Вдруг он услышал возню и шуршание на пороге, потом тихий свист и шипенье на полу. Любопытный мальчик приподнял голову и заглянул

за край колыбели. В ту же минуту он увидел большую змеиную голову рядом со своей головой. Геракл немного испугался и откинулся назад. Тут он заметил другую змею, которая жадно тянулась к маленькому Ификлу. Тотчас же Геракл схватил змей обеими руками пониже голов и стал их душить изо всех сил. Змеи шипели, как вода на углях, и молотили хвостами о каменный пол, но мальчик держал их крепко и всё сильнее сжимал кулаки. Шум разбудил ленивых прислужниц. Увидя змей, они, растрёпанные и неодетые, бросились вон, стали громко кричать и

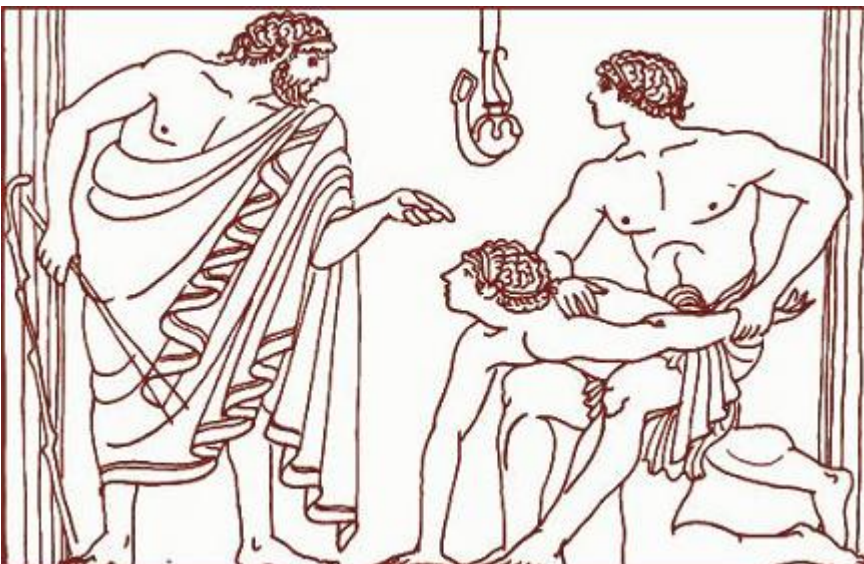

звать на помощь. Их вопли перебудили всех в доме. Люди забежали с факелами, по комнатам заметались тени. Размахивая мечами, прибежали кадмейские воины, стоявшие на страже у ворот дворца. Сверкая золотыми доспехами, вбежал в дом перепуганный шумом Амфитрион.

При свете факелов все столпились у колыбельки. Но маленький Геракл уже крепко спал, зажав в кулаках задушенных змей; они болтались теперь, как две верёвки, по сторонам колыбельки. При виде такого чуда и Амфитрион, и кадмейские воины, и все двенадцать ленивых прислужниц стали пятиться от колыбели, качая головами и шёпотом переговариваясь друг с другом. Так они были удивлены.

Все они решили, что, значит, сами боги заботятся о Геракле, раз они наградили новорождённого мальчика такой удивительной силой. Людям нечего бояться за его судьбу.

Но это было большой ошибкой. На другой день Амфитрион призвал к себе прорицателя Тирезия,

который умел предсказывать будущее. Как только старец Тирезий взглянул на Геракла, он сразу же понял, что перед ним лежит не простой ребёнок, а сын великого Зевса. Тирезий предсказал Амфитриону, что, когда Геракл вырастет, он не только победит всех зверей и людей, но поможет и самим богам справиться со страшными сторукими гигантами, которые живут на

краю земли. Тирезий

посоветовал Амфитриону как можно лучше беречь и воспитывать мальчика.

Амфитрион считал Геракла своим сыном и любил его ещё больше, чем Ификла. Поэтому, как только мальчик подрос, он пригласил ему в учителя самых знаменитых воинов и мудрецов. Искусный Эфрит, который никогда не делал промахов, научил Геракла стрелять из лука, Автолик показал ему, как ловчее бороться с другими мальчиками, великий герой Кастор учил его рубить мечом и бросать копье, а сам Амфитрион постоянно брал его на свою колесницу и давал ему править четвёркою горячих коней.

Скоро Геракл стал искуснее и сильнее не только всех своих сверстников, но и многих взрослых людей.

Он был так силен и велик, что, играя с другими мальчиками в семь камешков, в мяч и в лапту, никогда не умел рассчитывать свои силы. Вместо камешков он клал на ладонь большие булыжники и подкидывал их столь высоко, что все дети бросались от него врассыпную, боясь, как бы камни не проломили им голову. А мячом Геракл бил так крепко, что мальчики падали кувырком. Тут-то с Гераклом и случилось несчастье.

Строгий Лин обучал его всем наукам и искусству играть на большой семиструнной кифаре. Науками Геракл занимался охотно, но игра на кифаре ему не давалась, потому что струны он рвал всякий раз, как только касался их пальцами. Это очень сердило строгого учителя Лина, и как-то раз он больно прибил Геракла. Геракл обиделся. Он изо всей силы швырнул прочь от себя кифару и нечаянно задел ею Лина. Как всегда, он забыл о своей необыкновенной силе. Кифара коснулась учителя самым краешком, но убила его наповал.

Узнав об этом, Амфитрион испугался, как бы Геракл, обладая такой страшной силой, не натворил ещё каких-нибудь бед и не покалечил бы маленького Ификла или других городских детей. Посоветовавшись с Тирезием, он решил на время отправить Геракла за город и поручил ему пасти свои стада на киферонских горных лугах.

Надо мной крутые скалы,

Подо мной, внизу, река.

Облака бегут, как овцы,

Овцы, точно облака.

Травы ломкие, склоняясь

К почве высохшей, звенят

Под ногами тонкорунных,

Звонко блеющих ягнят...

Козлоногий Пан, живущий

В золотой лесной тени!

Ты овец моих от волка

Сбереги и сохрани.

Пусть, когда бегут напиться

Тёплым вечером к ручью,

Их упругие копытца

Не наткнутся на змею...

Пусть играют, пусть дерутся,

Но потом, к исходу дня,

Пусть все вместе соберутся

На лужайке, вокруг меня! Прошло много лет. Геракл вырос и возмужал. Он стал сильным и смелым юношей, могучим бойцом, отважным защитником своей родины.

Однажды, когда он отправился на охоту, соседний царь Эргин напал в

его отсутствие на Фивы. Он подчинил себе фиванцев и заставил их платить ему непосильную дань. Но Геракл, как только вернулся домой с охоты, собрал, вместе со своим братом Ификлом, большой отряд храбрецов, ударил с ним на войско Эргина, убил его в яростной битве и освободил родину от врагов.

В награду за это фиванский царь Креонт отдал Гераклу в жёны свою дочь, красавицу Мегару. Радостной была эта свадьба, и шумным был весёлый брачный пир. Сами боги спустились с Олимпа и пировали вместе с Гераклом. Один из младших сыновей великого Зевса, неутомимый Гермес, вестник богов, который всюду летает в своих крылатых сандалиях, подарил герою прекрасный меч. Бог света и радости Аполлон дал ему лук с золотыми стрелами. Искусный Гефест своими руками сковал ему панцирь, а богиня Афина облекла его в дорогую одежду, которую выткала для него сама. Одна только злобная Гера ничего не подарила Гераклу: она по-прежнему ненавидела и Геракла, и его мать Алкмену.

Геракл и Мегара счастливо зажили во дворце Креонта. Скоро у них родилось двое детей. Но Гера, которая в это время опять стала женой Зевса, завидовала их счастью. Она постоянно ссорилась с Зевсом, и ей было досадно, что многие люди на земле живут дружнее, чем боги на Олимпе.

Однажды дети играли у ног Геракла на шкуре льва. Им нравилось рассматривать огромные львиные лапы и засовывать кулачки в оскаленную пасть. Геракл любовался детьми. Светлый огонь мирно горел в очаге. Вдруг легонько скрипнула дверь. Тихое пламя испуганно заметалось, раскачивая большие тени на потолке. Геракл удивлённо поднял голову: он подумал, что кто-то вошёл. Но он никого не увидел.

А это богиня Атэ, никем не замеченная, прокралась в дом. Тихонечко подойдя к Гераклу сзади, она накинула ему на глаза волшебную невидимую повязку, одурманила его разум и свела героя с ума.

Так сделала Атэ по приказанию Геры, и вот обезумевшему Гераклу стало казаться, что львиная шкура, лежавшая у его ног, вдруг ожила, а дети превратились в ужасных двуглавых чудовищ.

Дико вращая налившимися кровью глазами, Геракл вскочил с места, с рёвом набросился на детей и убил их одного за другим. Затем он начал метаться по дому, крушить и ломать всё, что попадалось ему под руку. Напрасно Мегара и прибежавший на шум Ификл старались его успокоить. Он погнался за ними и до тех пор гонял их по всему дому, пока они не выскочили на улицу. Тут повязка безумия упала с его глаз, и бешенство сразу прошло. Геракл остановился, удивлённо оглядываясь вокруг. Он никак не мог понять, почему жена и брат убегают от него со всех ног. Задумчивый, он вернулся домой, стараясь вспомнить, что такое с ним было, но как только увидел трупы своих детей, чуть опять не сошёл с ума от горя и отчаянья. Закрыв лицо руками, он выбежал

вон, боясь оглянуться на свой разорённый дом, и бежал до тех пор, пока не настала ночь. Ему было так тяжело и горько, что он решил никогда не возвращаться домой и пошёл в другой город к своему другу Феспию.

Феспий, сын Архегона, был мудрым человеком и добрым товарищем. Сильно опечаленный несчастьем, которое случилось с его другом, он не стал понапрасну укорять его и огорчать бесполезными причитаниями. Он сделал лучше.

— Выслушай меня, Геракл! — сказал он. — Только слабые вздыхают о том, что уже свершилось, да плачут о невозвратном. Тот же, кто крепок душой, стремится загладить прошлое благими деяниями в будущем. И ты можешь сделать это.

Вчера, когда я проходил по городскому рынку близ храма Артемиды, я увидел толпу юношей; они, горячася, обсуждали какие-то вести. Я прислушался к их речам и узнал о славных замыслах. В далёком Иолке Язон, сын Эсона, собирает могучую дружину, чтобы плыть за Золотым Руном, за сокровищем Эолидов,[7] Фрикса и Геллы. Мышцы твои крепки, Геракл, взор твой ясен. Послушайся меня: ступай в Иолк, к Язону. Много подвигов совершит он на своём пути, и если ты вместе с ним прославишь добрыми делами свое имя, боги простят тебе нечаянный проступок...

Так и сделал Геракл. Через узкий Истмийский перешеек, через холмистую Беотию и прибрежную Локриду, минуя семивратные Фивы, пробрался он в славный город аргонавтов и отплыл вместе с ними в далёкий путь.

Покорно подчинился он в дороге юному Язону, хотя сам был старше и сильнее его. Безропотно грёб он тяжёлым веслом на борту быстролётного «Арго».

Но боги предназначали ему судьбу, отличную от судьбы аргонавтов. Когда однажды, сойдя на берег маленького островка, он углубился в лес, чтобы по приказу Язона заменить сломанное весло новым, в чаще деревьев встретил его лукавый и быстроногий Гермес, юноша с крылышками на круглой шапке и с другой парой крыльев на задниках лёгких сандалий.

— Брат мой Геракл! — сказал он ему. — Выслушай повеленье отца нашего Зевса. Оставь сейчас же славных аргонавтов: их подвиги слишком легки для тебя. Иди в Аргос. Там царствует твой соперник Эврисфей, тот, что родился на краткий час раньше, чем ты. Стань слугой презренного труса Эврисфея. Делай всё, что он повелит тебе, всё, что могучему прикажет ничтожный. Когда же ты выполнишь весь тяжёлый урок, всемогущие боги, я думаю, даруют тебе прощенье...

Услышав волю богов, Геракл содрогнулся от гнева и обиды.

Он знал, что Эврисфей был ничтожный, дрянной человек и все люди смеялись над его удивительной трусостью.

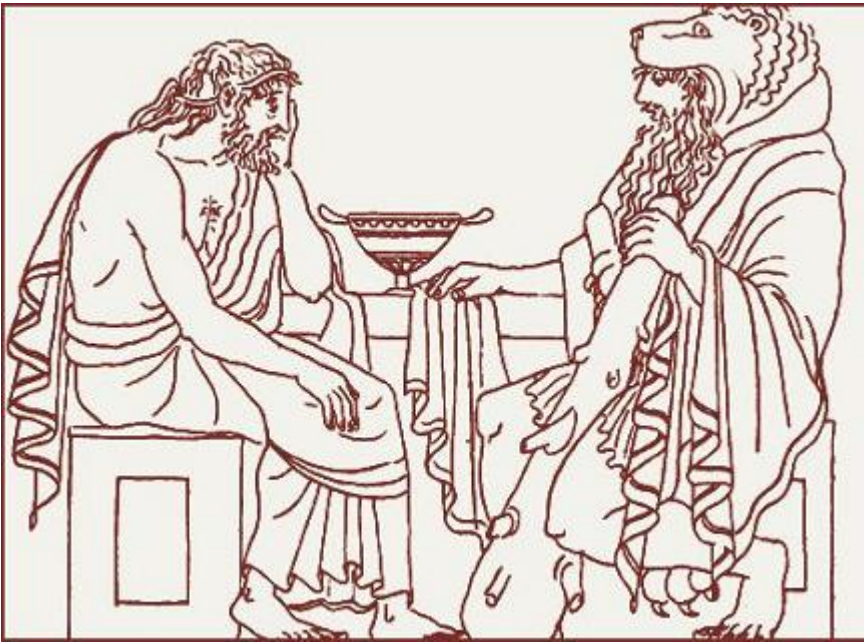
Говорили, что Эврисфей боится даже собственной тени. Но, вспомнив, что это боги посылают ему наказание за убитых детей, Геракл смирился. «Ну что ж, — подумал он. — Я сам виноват во всём этом. Ведь сам я совершил такое страшное преступление. Хорошо ещё, что мне позволено искупить столь великую вину. Лучше я пообещаю сам себе всю свою жизнь смело бороться за несчастных и обиженных людей, помогать слабым против злых чудовищ и драконов, как это делали великие герои до меня. Вот тогда-то я, наверное, заслужу прощение».

Геракл быстро отправился в путь. Скоро он прибыл в Аргос.

Узнав о приходе Геракла, Эврисфей обрадовался, но вместе с тем побледнел от страха. Ему было очень приятно, что боги заставили служить ему такого смелого человека, но он испугался, как бы Геракл не вздумал убить его и захватить себе Аргосское царство. Из трусости Эврисфей не вышел навстречу Гераклу. Он приказал ему ждать у порога, а сам забрался на постель с ногами и начал думать, куда бы ему отправить Геракла так, чтобы самому прославиться, а Геракла погубить. Но только глупый царь попробовал думать, он сейчас же заснул как убитый. Во сне явилась ему богиня Гера и посоветовала послать Геракла на охоту за страшным Немейским львом.

Эврисфей проснулся очень довольный, приказал Гераклу убить Немейского льва и целый день рассказывал басни о том, как ему пришла в голову умная мысль. Ведь в те времена очень часто случалось, что умным и смелым людям приходилось подчиняться злым, но богатым

дуракам. Немейский лев был не простой зверь, а страшное волшебное животное огромного роста. Он был сыном огнедышащего дракона Тифона и гигантской змеи Ехидны. Жил он в Немейской долине, неподалёку от селенья Клеаны, и наводил страх на все окрестности своими набегами.

Храбрый, но осторожный Геракл нарочно зашёл в Клеаны, чтобы хорошенько расспросить жителей о привычках льва. Он постучал

в дверь первой попавшейся хижины — бедняка Моларха — и остался у него ночевать. Добрый Моларх охотно поделился с Гераклом последним куском чёрствого хлеба и кружкой кислого вина, но, узнав, куда он идёт, так ужаснулся, что долго не мог произнести ни одного слова. Потом он упал на колени и стал умолять Геракла не ходить на охоту за львом.

— Это страшный зверь, — говорил он Гераклу, — такой же сильный, как и свирепый; зубы его легко разгрызают самый твёрдый булыжник. Вот какой это зверь! Он живёт в глубокой тёмной пещере, и пещера его заколдована: пока он в ней, его нельзя убить ни копьём, ни мечом, ни стрелой...

Так уговаривал добрый Моларх Геракла, потому что ему было жаль этого молодого воина в белоснежной одежде и в блестящем, как золото, панцире. Моларх был уверен, что Геракл идёт на верную смерть.

Видя, что гость не хочет послушаться его, он огорчился и сказал:

— Вот что, странник! Сегодня все люди в нашем селении приносят жертвы могучему Зевсу. Хочешь, я тоже принесу жертву, чтобы Зевс сохранил тебя от страшного зверя?

На это Геракл отвечал, улыбаясь:

— Добрый Моларх, лучше подожди приносить жертвы, пока я не убью Немейского льва. Ты будешь ждать меня тридцать дней. Если я вернусь в этот срок с львиной шкурой, мы поблагодарим Зевса за удачную охоту. Если же я не приду и на тридцатый день, ты оплачешь меня, чтобы тень моя не томилась в подземном царстве умерших.

Сказав это, он встал, надел свой высокий шлем, повязал меч и вышел из хижины.

Старый Моларх грустно проводил его до порога. Долго стоял он у дверей, покачивая седой головой. Он был уверен, что гость никогда не вернётся назад.

Двадцать девять дней прошли в томительном ожидании. Как только занималась заря, Моларх выходил на дорогу посмотреть, не белеет ли на ней плащ Геракла, не блестит ли его золотой панцирь. Вечером он сидел на пороге до тех пор, пока ночь не становилась чёрной, как яма, полная угля.

Но сколько он ни всматривался в темноту, Геракл не возвращался.

Наступил тридцатый день. Он пришёл и ушёл, а Геракла всё не было. Печальный Моларх вымыл руки и приготовился принести жертву в память погибшего героя. Но как только он это сделал, кто-то сильно постучал в дверь. Моларх поспешил открыть засов, думая, что это вернулся Геракл. Но вместо Геракла в хижину вошёл незнакомый человек. Он был закутан в тёмный плащ. Голову его

покрывал странный шлем невиданной формы. Густая борода закрывала могучую грудь, а пыльные волосы космами падали на плечи.

— Если тебя зовут Молархом, — сказал незнакомец хриплым и грубым голосом, — то погоди приносить жертву, потому что я принёс тебе весть от Геракла.

Глядя на тёмный плащ и косматую бороду незнакомца, Моларх сообразил, что к нему пришёл сам лесной бог Пан. От страха у него отнялся язык, он покорно сел на скамью и приготовился слушать, не смея даже спросить у грозного бога, жив ли Геракл. Гость опустил у очага, заслонив своим огромным телом и без того слабый огонь.

В хижине стало совсем темно.

— Как только Геракл ушёл от тебя, — начал гость, — его со всех сторон охватила ночная тьма. Он всё время оглядывался назад, потому что боялся, как бы лев не прыгнул на него из кустов...

Слушая хрипый голос гостя, Моларх подумал, что Пан долго шёл и очень устал; поэтому он встал, вылил в чашу своё последнее вино и молча поставил его на стол. Гость жадно схватил чашу, разом выпил вино, вытер губы рукой и продолжал свой рассказ:

— На заре Геракл пришёл в Немейскую рощу. И тут он зорко смотрел по сторонам, думая, что зверь засел где-нибудь между деревьев. Но ничего не было видно. Тогда Геракл вспомнил, что Немейского льва нельзя убить ни стрелой, ни мечом, потому что шкура его твёрже камня. Подумав об этом, он решил раздобыть себе оружие понадёжнее, вырвал с корнем молодой дуб, обрубил ветви и сделал себе тяжёлую палицу, твёрдую, как железо. Вот она, ты можешь её посмотреть.

С этими словами гость протянул Моларху огромную дубину. Моларх осторожно потрогал её, она была так тяжела, что он не решался взять её в руки. Гость с улыбкой поставил дубину между колен.

— Сделав палицу, — продолжал он, — Геракл влез на дерево и крепко заснул. Он проспал десять дней и десять ночей, набираясь сил для битвы с Немейским львом. Наконец он проснулся и, видя, что лев не пришёл к нему в Немейскую рощу, пустился в дальнейший путь. Не успел он выйти из рощи, как заметил прямо перед собой огромного каменного льва, грузно лежащего на холме над самой дорогой.

Геракл решил, что это окрестные жители высекли из камня такое удивительное изваяние. Он спокойно остановился, дивясь столь искусной работе. Вдруг страшилище подняло каменную голову и с грозным рычаньем вскочило на ноги. Увидев такое чудо, Геракл тотчас же натянул лук, нацелился прямо в глаз ужасного зверя и спустил стрелу. Золотая стрела блеснула, как молния, но, должно быть, зверь успел опустить каменное веко, потому что она отлетела назад со звоном. Однако, ослеплённый её блеском, чудесный лев прынул в сторону и с рёвом помчался прочь. Геракл пустил вдогонку вторую стрелу, но и эта стрела отскочила от каменной шкуры. Лев побежал быстрее и скрылся между холмов. Геракл поднял упавшие стрелы и покачал головой — бронзовые наконечники их совсем расплющились. Он повесил лук на плечо и, крепко сжимая в руках дубину, побежал вслед за львом, удивляясь неожиданной трусости такого свирепого зверя. Но Геракл

помнит, что Немейский лев тоже не дремлет. Поэтому он осторожно бежал по следам, опасаясь, что лев спрячется где-нибудь близко в засаде и вдруг выскочит на него. Однако льва нигде не было видно, а следы затерялись в каменистой Немейской долине. Геракл очень долго бродил вокруг, пока наконец не дошёл до высокой горы, заросшей кустами. Он облазил скалы и обшарил кусты, но льва нигде не увидел. Между тем наступила ночь. Геракл зажёл костёр, чтобы зверь не напал на него в темноте. Но как только стемнело, он услышал глухое рыканье зверя,

кружившего во мраке возле костра. Геракл дождался луны и сразу увидел льва. Зверь стоял на горе и смотрел на огонь. Геракл сейчас же схватил свою палицу и пошёл вверх по склонам горы. Но когда он дошёл до вершины, лев пропал, точно провалился сквозь землю.

Целую ночь Геракл разыскивал льва, а на рассвете вернулся к костру. Как только лучи восходящего солнца осветили окрестность, Геракл снова увидел зверя. С громким криком он погнался за ним. Лев скачками помчался к горе и снова пропал. Торопясь за ним по следам, Геракл увидел в кустах у подножия горы большую пещеру. Догадавшись, что в этой пещере и прячется лев, он смело раздвинул кусты, но сразу остановился. Пещера была сырая, тёмная и такая тесная, что в ней негде было размахнуться дубиной. Геракла охватил страх...

— Ты говоришь неправду, — сказал тут Моларх, в первый раз прерывая рассказ гостя. — Геракл не знает страха.

Но гость улыбнулся.

— Ты хорошо сказал, добрый Моларх, — отвечал он, — а всё-таки Геракл испугался. В глубине пещеры он увидел два зелёных огня, два страшных глаза свирепого льва, и в страхе покинул пещеру. Я не хотел бы, добрый Моларх, чтобы ты когда-нибудь видел такие глаза.

— Странник, — сказал Моларх, опять прерывая гостя, — не томи меня и скажи: жив Геракл или умер?

— Слушай дальше, — ответил гость, по-прежнему улыбаясь. — Как только зверь заметил, что Геракл испугался, он выскочил из пещеры и хотел напасть на него. Но Геракл зажёл от костра большую ветку и, пугая зверя огнём, погнал его в глубь пещеры. Чем дальше он шёл, тем выше поднимались пещерные своды. Геракл уже поднял дубину, чтобы ударить зверя, но в эту минуту лев скрылся за выступом скалы. Геракл побежал за ним и с разбегу выскочил вон из пещеры. Хитрый зверь устроил себе логовище с двумя ходами; он обежал гору, снова вошёл в пещеру через

первый ход, снова выскочил из в
 Так Геракл гонялся за зверем до поздней ночи, пока наконец не понял, что никогда не настигнет зверя, если не измыслит какой-нибудь хитрости. Подумав хорошенько, он сложил перед первым ходом огромный костёр, чтобы зверь не вышел наружу, а сам поспешил ко второму ходу и целую ночь таскал к нему большие обломки скалы, пока наконец не завалил дыру до самого верха.

На заре он вернулся к первому ходу и, размахивая

горящей веткой, смело пошёл на льва. Увидев, что ему больше некуда деться, лев повернул назад и с яростным рёвом бросился на Геракла.

Услышав это, Моларх вскочил.

— Странник! — крикнул он, схватив гостя за руку. — Если ты бог, скажи мне: жив ли Геракл?!

Но гость отвёл его руку.

— Ты слишком торопишься, добрый Моларх, — сказал он спокойно. — Подняв дубину, Геракл со страшной силой ударил зверя по голове. Удар был так силён, что каменный череп треснул. Немейский лев упал к ногам Геракла и забился в судорогах, стараясь подняться на ноги. Тогда Геракл схватил его руками за горло и сжимал до тех пор, пока зверь не задохся.

— Странник, — спросил Моларх, и глаза его заблестели, — куда же девался Геракл?

Гость рассмеялся и сказал:

— Убив зверя, Геракл пошёл к старику Моларху и рассказал ему, как он охотился на Немейского льва.

Сказав это, гость схватил головешку и ярко осветил своё лицо. Моларх вскрикнул от неожиданности — он увидел перед собой Геракла, за тридцать дней обросшего бородой и густыми косматыми волосами, совсем как грозный бог леса Пан. Над головой Геракла вместо шлема поднималась морда Немейского льва, а тело было покрыто каменной шкурой, твёрдой, как панцирь...

Вместе с обрадованным Молархом Геракл принёс благодарственную жертву Зевсу и отправился со шкурой льва к царю Эврисфею. Узнав о возвращении Геракла, Эврисфей задрожал от страха и зависти, но всё-таки пошёл посмотреть на шкуру. Он шёл навстречу Гераклу важно и медленно, как подобает царям.

Но как только он увидел ужасную голову льва с оскаленной пастью, он сразу забыл про свою царскую важность, закрыл руками лицо, как всякий трус, и убежал во дворец. Весь дрожа, он велел передать Гераклу, чтобы тот никогда не смел приносить добычу к нему во дворец, а показывал бы её издали с высокого холма. Геракл пожал плечами и усмехнулся, но послушался и унёс львиную шкуру из дворца, чтобы прибить череп над городскими воротами.

Целую ночь Эврисфей злился на Геракла за то, что тот победил льва и вернулся живым. Но больше всего он злился, что сам струсил. Целую ночь думал он, как бы ему поскорей погубить Геракла, куда бы его отправить на верную смерть.

Под утро Эврисфей заснул. Во сне ему опять явилась злая Гера и посоветовала послать героя в ядовитое Лернейское болото, туда, где жила ужасная змея Гидра, младшая сестра Немейского

льва. Она тоже родилась от Тифона и Ехидны.

Эврисфей сейчас же соскочил с постели и велел передать Гераклу, чтобы он, не медля, отправился

на поиски Гидры. Геракл не возразил ни слова, сейчас же снарядился на новый подвиг. Но так как он очень устал, преследуя Немейского льва, то решил доехать до ядовитого болота на золотой колеснице своего отчима Амфитриона. Нужно было только найти хорошего возницу, а никто из друзей Геракла не хотел ехать с ним в место, проклятое самими богами.

Один Иолай, сын Ификла, умолял дядю взять его с

собой. Иолай был ещё мальчик, но он хорошо справлялся с конями Амфитриона и славно перебирал одной рукой ремённые вожжи. Видя, что дети в Фиванской земле стали храбрее взрослых мужей, Геракл согласился взять мальчика с собой.

Легконогие кони, закусив удила и согнув шеи, быстро домчали их до источника Амимоны, за которым тянулось бесконечное море кочек, покрытых ядовитой ржавчиной. Только сухая осока торчала среди этих кочек да с одного берега спускалась в болото низкая поросль.

Оставив коней с Иолаем у источника, Геракл взял с собой священный меч, подаренный ему на свадьбе Гермесом, и ступил на болотную почву. Под тяжестью героя всё болото закачалось от края до края. Ноги его сразу же утонули в бездонной моховой трясине, из-под них поднялись кверху радужные пузыри ржавчины. От запаха ядовитых трав кровь прилила к голове. Осторожно ощупывая дорогу, Геракл шагал с кочки на кочку, а болото зыбилось и шаталось под ним. Вдруг он сделал неверный шаг и провалился по пояс. Геракл ухватился рукой за чахлое деревцо, торчащее на соседней кочке, но сухое деревцо обломилось. Ещё немного — и трясина втянула бы Геракла с головой, но он сделал последний шаг и нащупал твёрдое дно. Стоя на цыпочках, ухватившись руками за мох, Геракл закричал Иолаю, чтобы тот скорее бросил ему с берега ремённые вожжи. Иолай навязал на вожжи камень и метнул его Гераклу. Схватив камень, Геракл повис на вожжах, а Иолай подхлестнул лошадей, и горячие кони, дружно рванув колесницу, вытащили Геракла на край трясины.

Но как только он вскочил на ноги, обтирая с себя ядовитую грязь, он услышал отчаянный крик Иолая.

Мальчик прыгал на колеснице, показывая рукой в густые заросли сухого тростника. Взглянув в ту сторону, Геракл вздрогнул: прямо к нему ползло по болоту отвратительное чудовище — Лернейская гидра с девятью головами. Все девять змеиных голов страшно шипели, высунув раздвоенные жала. А кочки по-прежнему зыбились и шатались под ногами героя. Нечего было и думать сражаться со змеей на такой трясине.

Шаг за шагом Геракл стал отступать к берегу. Он боялся опять провалиться в трясины и двигался медленно, а клубок змеиных голов всё быстрее и быстрее катился к нему. Страшная Гидра гналась за ним так стремительно, что Гераклу пришлось защищаться мечом от змеиных жал. Но как только он вышел на берег, Гидра повернула назад и с шипением поползла к себе в тростники, довольная, что никто не смеет напасть на неё в её зыбком царстве.

Тут только Геракл понял, какой трудный подвиг поручил ему Эврисфей. Успокоив дрожащего Иолая и коней, которые жались друг к другу, Геракл стал соображать, как ему выманить Гидру на

твёрдую землю.

Подумав немного, он приказал Иолаю заехать на северный край болота, откуда дул ветер, и поджечь сухой тростник. Иолай так и сделал. Скоро жёлтый огонь весело побежал по болоту. Встречаясь с ржавой болотной водой, он трещал и шипел не хуже змеи.

Это был ужасный пожар. Едкий дым пополз по трясине, и ветер гнал его как раз к тому месту, где засела Лернейская гидра. Почувяв огонь, чудовище выползло из засады и заскользило по кочкам к берегу, стараясь уйти от Геракла в лес. Но Геракл ждал Гидру, подняв над головой острый меч. Как только первая голова змеи коснулась земли, Геракл одним прыжком наступил ей на шею и взмахом меча отсек её прочь. Тогда остальные восемь голов, выпустив жала и обнажив ядовитые зубы, накинулись на Геракла. Тело змеи оплело ему ноги точно железными путами, а смертоносные зубы и жала щёлкали и скользили по панцирю, стараясь найти обнажённое тело.

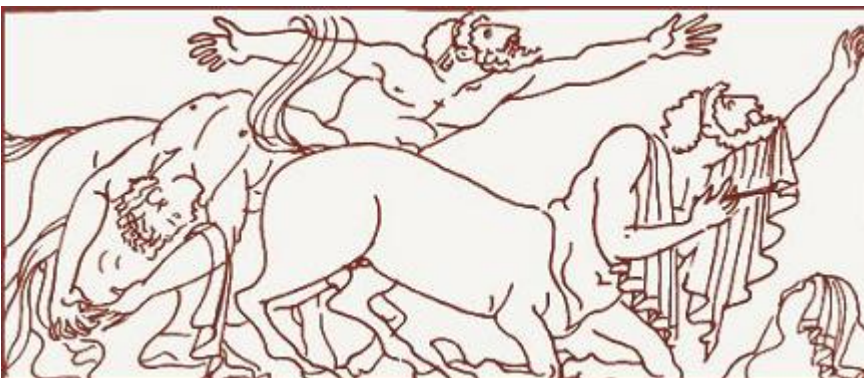
Меч Геракла блистал как молния. Одну за другой отрубил он ещё семь голов, но девятую, самую злобную и большую, он никак не мог отрубить, потому что она была бессмертной. Острый клинок меча проходил через эту голову, как через мягкий студень, но не оставлял на ней никаких следов. Сбросив с себя петлистое тело змеи, Геракл схватил голову прямо руками, стараясь её задушить, но тут он увидел, что все остальные восемь голов опять отросли и бросились на него с новой яростью. Увёртываясь от Гидры, Геракл рубил и рубил мечом, а головы всё отрастали и отрастали. И всех страшнее шипела средняя, бессмертная голова. Скоро Геракл устал рубить. Он уже терял надежду одержать победу над Гидрой, как вдруг ему в голову пришла счастливая мысль. Он стал кричать Иолаю, чтобы тот принёс ему горящую ветку дерева.

Храбрый мальчик сейчас же понял, что надо делать. Он прибежал, размахивая пылающей головнёй. Как только Геракл отрубал змеиную голову, Иолай прижигал горящим суком кровавую рану.

От этого шеи Гидры сморщились, и новые головы перестали расти на них. Так погибли все восемь голов ядовитой Лернейской гидры. А девятую, бессмертную, голову Геракл завалил большими камнями. Сколько ни билась змея, она не могла стряхнуть с себя тяжёлой каменной груды.

Торжествуя победу, Геракл обмакнул свои стрелы в ядовитую змеиную кровь и пропитал их змеиным ядом, чтобы стрелы разили насмерть. Подобрал отсечённые головы, он вскочил на высокую колесницу. Кони рванули и, закусив удила, помчали его прочь от болота, прямо в Аргос, к царю Эврисфею.

Но перепуганный Эврисфей, конечно, побоялся даже посмотреть на змеиные головы. С золотого порога дворца он замахал руками и сердито закричал, требуя, чтобы Геракл, не заходя домой, сейчас же шёл бы и подстрелил ему страшного Эвриманфского вепря. Тяжело вздохнув, Геракл

соскочил с колесницы, отпустил Иолая домой и, забросив все восемь голов в колючий терновник, чтобы их никто не нашёл, отправился разыскивать этого нового зверя. Долго шёл он всё вперёд и вперёд, пока перед ним, упираясь вершинами в облака, не встали каменные

горы Фолос. Целый день взбирался путник по горным тропинкам. Но чем дальше он шёл, тем выше поднимались перед ним горы. Гераклу очень хотелось пить. Он остановился и стал слушать, не журчит ли где-нибудь ручеёк; но вместо плеска воды вдруг донеслось до него конское ржание и громкий топот. Вскоре огромный гнедой конь показался на склоне горы. Он мчался вверх так, что камни летели из-под копыт. Конь громко ржал, а всадник кричал и махал руками. Геракл подумал, что всадник кричит и машет ему. Прикрыв глаза ладонью, он хорошенько вгляделся в гнедого и чуть не вскрикнул от неожиданности.

Это был вовсе не конь, а самый настоящий кентавр: получеловек-полулошадь. Там, где у всякой другой лошади начинается шея, у этого коня было человеческое туловище — с животом, грудью, руками и головой. Это-то туловище Геракл и принял за всадника.

Пока Геракл разглядывал удивительное создание, человек-конь остановился на горной лужайке и, приставив обе ладони ко рту, затрубил в них, как в трубу. Со всех сторон затрещали кусты. Целый табун точно таких же кентавров неспешно протрусил мимо Геракла, поднимая облака пыли. Удивлённый Геракл пошёл вслед за ними.

Скоро он вышел на большую поляну в горной дубовой роще. Тут между деревьев виднелись хижины, сложенные из грубых больших валунов и прикрытые хворостом. Земля под дубами была утоптана, как гладкий глиняный пол. Но никого не было видно, только там и здесь валялись черепа оленей и груды костей, да возле одной из хижин стоял хвостом к Гераклу гладкий вороной кентавр. Подняв руки и задрав вверх голову с острой бородкой, он срывал листья с высокого дерева и засовывал их в рот, мирно отмахиваясь своим лошадиным хвостом от комаров и слепней. Геракл громко окликнул кентавра, на всякий случай выхватив всё же меч.

Услышав голос, кентавр поднялся на дыбы, повернулся на задних ногах и подскакал к Гераклу с ласковым ржаньем. Думая, что кентавр не поймёт его речи, Геракл показал знаками, что хочет есть и пить. Но кентавр заговорил правильным и красивым греческим языком. Он повёл Геракла в свою убогую хижину, посередине которой горел небольшой костёр, и угостил его жареным мясом. Пока гость насыщался, хозяин прямо руками рвал на куски сырую оленью тушу и пожирал её, с хрустом разгрызая хрящи. Добрый кентавр этот, которого звали Фолом, не переставая расспрашивал Геракла, кто он, откуда он идёт, как живут люди и правда ли, что они умеют ковать железо и медь. Он с восторгом рассматривал золотые доспехи Геракла, его щит и меч, и удивлялся искусной работе. Насытившись, Геракл попросил пить. Добрый Фол удивился, услышав такую просьбу. Он не мог понять, зачем ему нужно держать воду дома. У кентавров не было никакой посуды. Почувствовав жажду, они галопом скакали на водопой к ближайшей горной реке и пили там совсем как лошади. Кентавр уверял Геракла, что до этой реки прямо рукой подать, каких-нибудь две-три мили. Но Геракл так устал, бродя по горам, что отказался идти туда вместе с Фолом, хотя его и сильно мучила жажда. Тогда Фол подмигнул и сказал, что в одной из хижин старого кентавра Хирона стоит большая бочка с вином. Только это — священный напиток, его подарил кентаврам сам бог вина Дионис, и никто из них не смеет пить из бочки без разрешения Хирона. Говоря о вине, Фол так вкусно прищёлкивал языком, что Геракл почувствовал мучительную жажду. Он стал уговаривать Фола дать ему хоть одну каплю вина. Но Фол покачал головой и сказал, что никак не может нарушить запрета. Другое дело, если Геракл сам зачерпнёт из бочки. Ведь Геракл гость, а

по законам гостеприимства гость может Говоря это. Фол хитрил. Он отлично знал, что Хирон очень рассердится, если кто-нибудь дотронется до священной бочки, но ему самому так захотелось выпить, что он решил открыть бочку с помощью пришельца. А тогда, в случае нужды, можно будет свалить всю вину на него одного.

Геракл не заметил хитрости Фола. Он вошёл в пустую лачугу Хирона, открыл бочку, зачерпнул из неё прямо горстью и стал пить, а весёлый Фол, пристроившись рядышком,

тянул вино прямо из бочки. Так они пировали, очень довольные друг другом. Между тем остальные кентавры своим звериным чутьём издалека услышали запах вина. В страшной ярости они поскакали домой, по дороге отламывая куски скал и поднимая с земли булыжники, чтобы угостить ими незваного гостя.

Услышав ржанье и крики своих разгневанных братьев, Фол отбежал в сторону и как ни в чём не бывало стал пастись на лугу, между дубовых деревьев, предоставив Гераклу самому выпутываться из беды. Геракл из дверей хижины закричал кентаврам, чтобы они не бросали в него камнями. Он напомнил им древние законы гостеприимства и право гостя пить и есть в чужом доме. Но разъярённые кентавры не стали слушать Геракла. Целый град камней полетел в него, ударяясь о стены хижины. Тогда Геракл решил защищаться. Он вынул лук и колчан, натянул тетиву и стал пускать в кентавров одну за другой смертоносные стрелы, отравленные ядом Аернейской гидры. Два или три кентавра упали замертво, остальные отступили, испуганные неожиданной смертью, которую принесли их братьям маленькие и с виду совсем не страшные стрелы. Но когда ядовитая стрела попала в копыто самого сильного и мудрого из кентавров, бессмертного Хирона, и тот, обожжённый ядом, закричал отчаянным голосом, весь табун обратился в бегство. Фыркая и толкаясь, кентавры скакали по узкой горной тропинке. Геракл погнался за ними, чтобы их напугать.

Между тем любопытный Фол поднял одну из стрел, выпущенных Гераклом, и вертел её перед самым носом, стараясь увидеть, где в ней засела смерть. Он тоже не понимал, почему стрелы приносят гибель. Незаметно для самого себя Фол оцарапал руку об острый конец стрелы. Страшный яд проник к нему в кровь, и простодушный хитрец упал замертво. Вернувшись после погони и увидев холодную тушу бедного Фола, Геракл горько оплакал гостеприимного друга и, лишь похоронив его, отправился дальше.

Не останавливаясь, он дошёл наконец до тех мест, где скрывался Эвриманфский вепрь. Страшного зверя нигде не было видно. Герой присел отдохнуть на груде сухого валежника под большим деревом, росшим на склоне горы. Но как только он это сделал, хворост зашевелился, заворчал и захрюкал. Огромная голова кабана высунулась из самой середины кучи. Геракл едва успел отскочить. Эвриманфский вепрь выпрыгнул из ямы, во все стороны раскидывая хворостяную крышу своего лежбища. Он был ростом с большую корову, его свиные глазки налились кровью, щетина на остром хребте поднялась дыбом, а загнутые клыки нацелились прямо в живот Гераклу. Вепрь был

так велик и так тяжёл, что если бы
 Как ни силен был герой, он
 всё же не решился сразу
 вступить в поединок со
 страшным зверем. Быстрый,
 как молния, отскочил он с
 тропинки в сторону и
 спрятался за дерево такой
 толщины, что пять человек не
 смогли бы охватить его ствол
 руками. Яростный вепрь, как

буря, налетел на дерево, разя его ударами клыков. Пена клочьями падала с его рыла. Под тяжкими ударами ствол затрещал. Листья и жёлуди с шумом посыпались на землю. То отбегая назад, то кидаясь вперёд, Эвриманфский вепрь с разбегу крушил столетний дуб в щепки, стараясь добраться до Геракла. Напрасно герой пытался его ударить мечом сбоку. Меч оставлял глубокие царапины в шкуре вепря, но не мог нанести ему смертельной раны. Грязь и пена смешались с кровью чудовища, которое с каждым ударом меча свирепело всё больше и больше.

Наконец огромное дерево покачнулось. Грозя раздавить Геракла, тяжко крикнув, рухнуло оно. Затрещали молодые клёны вокруг. Хорошо ещё, что Геракл успел увернуться от падающего ствола. Правда, он опять очутился лицом к лицу с разъярённым вепрем. Но снова, прежде чем зверь успел броситься на него, Геракл отпрянул в сторону. Став так, чтобы солнечные лучи отражались от гладкой поверхности щита, Геракл пустил целый сноп лучей в налитые кровью глазки чудовища и с громким криком принялся колотить по щиту дубиной. Тогда, ослеплённый солнечным блеском, напуганный криком и звоном, Эвриманфский вепрь повернулся и побежал вверх по горе, разбрасывая во все стороны столетние дубы своими крепкими боками. Мрачное хрюканье зверя было похоже на рык Немейского льва. Однако Геракл неотступно гнался за ним, не переставая греметь щитом и время от времени страшно крича. Несколько раз злобный вепрь пытался остановиться, но всякий раз Геракл пугал его блеском и криком и гнал его всё выше и выше. Так добрались они до самой вершины горы, покрытой глубоким снегом. Тут Геракл закричал так пронзительно и ударил по щиту с такой силой, что перепуганное животное бросилось в рыхлый снег и завязло по самые уши.

Как ни бился, как ни рычал вепрь, он всё глубже увязал в глубоком сугробе.

Геракл накинул на страшную морду вепря шкуру Немейского льва, сковал зверю цепью все четыре ноги и, с трудом взвалив к себе на плечи гигантскую тушу, понёс её вниз к царю Эврисфею. Как

только трусливый царь увидел свирепую голову вепря и острые загнутые клыки, он кинулся прочь и забился со страху в большой медный чан, в который слуги сливали дворцовые помои. Он просидел там целую ночь. Там он и заснул. А во сне ему опять явилась богиня Гера.

Поутру Эврисфей выбрался из чана, очистился от корок и шелухи и, напустив на себя важный вид, приказал Гераклу на этот раз поймать ему золоторогую Киренейскую лань.

Выслушав новое приказание Эврисфея, Геракл глубоко задумался. Он знал, что у Киренейской лани неутомимые медные ноги, что она хитра и осторожна. Знал он и то, что лань эта была любимицей богини Дианы-охотницы. Диана же никому не позволяла прикасаться к своим любимым животным.

Поразмыслив об этом, Геракл решил как следует подготовиться к охоте. Не теряя времени, он отправился к себе на родину в Фивы и стал там упражняться в беге. Каждое утро, как только вставало солнце, молодой Иолай по просьбе Геракла садился верхом на коня, самого быстрого из всей четвёрки Амфитриона, и во всю конскую прыть скакал по долине. А Геракл бежал рядом с конём, крепко держась за его гриву. В первый день он сумел пробежать наравне с конём только один час, во второй — два, в третий — три часа. Скоро Геракл приучился без усталости бежать за конём целый день без еды и питья, не останавливаясь ни на минуту. Тогда он решил, что время охоты настало, и пошёл на озеро, где часто пила воду эта быстроногая лань. Засев в кусты, он просидел неподвижно три дня и три ночи, поджидая осторожную добычу. Три раза звёзды подымались над горизонтом, три раза заходили они за край земли, а лани всё не было. Наконец на четвёртую ночь Геракл услышал лёгкое постукивание копыт и, высунув голову из куста, увидел рогатую тень на тихой озёрной воде. Неслышно пополз он вокруг широкого озера, стараясь подкрасться к лани как можно ближе. Но чуткое животное расслышало шелест ветвей. Повернув точёную голову, лань оглядела берега и вдруг, закинув на спину рога, понеслась прочь от Геракла по узкой лесной тропе между деревьев. Золотые рога её сверкали в полосах лунного света. Геракл вскочил и, шумно дыша, погнался за ней.

Деревья мелькали одно за другим, ноги бегунов без усталости двигались, едва касаясь земли.

Они пробежали лес, выбежали на большую поляну, снова пропали в лесу, появились на открытом поле и всё неслись и неслись — лань впереди, а Геракл за ней. Они пробежали мимо шестидесяти деревень и девяти городов; солнце встало, отбросив на землю две быстро бегущие тени. Оно высоко взобралось по небесному своду, обливая их золотыми лучами, а они всё неслись — лань впереди, а Геракл сзади.

Чем дальше они бежали, тем меньше становилось расстояние между ними, потому что Геракл бежал очень быстро. Но всё-таки он не мог поравняться с ланью. Изнемогая от солнечного зноя, Геракл на бегу сбросил с себя тяжёлую шкуру Немейского льва и повесил её на дубовую ветку. Потом он сбросил с себя и одежду, оставив только широкий пояс на бёдрах; потом он скинул сандалии, чтобы легче было бежать, — а лань всё неслась впереди, уводя Геракла всё дальше в горы. Солнце стало клониться к западу, Геракл устал от стремительного бега, а медные копытца чудесной лани стучали всё так же ровно по твёрдой земле. Тогда Геракл собрал все свои силы и бросился вперёд с такой быстротой, что расстояние между ним и ланью совсем сократилось. Бежать было трудно, потому что путь шёл в гору. И всё-таки Геракл нагнал лань, но едва он успел протянуть руку, чтобы схватить её за блестящие рожки, как вдруг прямо перед ним разверзлась широкая и бездонная пропасть. Уверенный, что лань теперь никуда не уйдёт, Геракл чуть-чуть замедлил бег, а лань, точно пущенная из лука стрела, перелетела через ужасную бездну. Геракл резко остановился; задыхаясь от бега, он стоял на самом краю обрыва, а лань на той стороне мирно пощипывала траву, изредка взглядывая на Геракла, точно посмеиваясь над ним.

Огорчённый Геракл медленно пошёл по краю пропасти в обход, стараясь не упустить лань из виду. Он потратил много времени, несколько дней и ночей, для того чтобы обойти пропасть и снова выследить лань. Потом опять началась бесконечная погоня. Всякий раз, как Геракл настигал лань,

она уходила от него, то прыгая в глубокие реки, то скрываясь в густых зарослях, то пропадая среди песчаных холмов.

Каждый раз после этого Гераклу приходилось разыскивать лань по следам. Так охотник и дичь уходили всё дальше и дальше.

Лань завела Геракла в студёную страну гипербореев, где жили люди с собачьими головами. Она привела его там к широкой реке Истру, в которой обитали прекрасные женщины с рыбьими хвостами. Теперь эту реку зовут Дунай. Но Гераклу некогда было взглянуть на псоглавцев или поговорить с водяными красавицами: слишком он торопился. Неутомимый охотник без остановки погнал лань назад, от реки Истра в Грецию, пока не вернулся в те места, откуда начал охоту. Здесь он остановился, лёг на землю и крепко заснул. Он бы ни за что не уснул, если бы богиня Афина, которой Зевс поручил помогать Гераклу, не наслала на него сон. Во сне Афина явилась к Гераклу и посоветовала ему поймать лань сетью.

Очнувшись, Геракл так и сделал. Он быстро сплёл из гибких веток и длинной осоки лёгкую сеть, расставил её на тропе, по которой звери ходят на водопой, и, выследив лань, погнал её прямо к сети. Выскочив на прогалину, лань понеслась по ней со всех ног и тотчас запуталась в сети рогами. Торжествующий Геракл

схватил её, повалил, связал ей вместе тонкие ножки и на руках понёс к Эврисфею.

Но не успел он сделать и ста шагов, как вся окрестность зазвенела от собачьего лая. Целая свора косматых псов выскочила на тропинку и окружила героя, не пуская его дальше. Следом за ними вышла из-за кустов разгневанная богиня Диана. В короткой охотничьей одежде с золотым полумесяцем в волосах и с луком в руках стояла под ветвями миртов юная богиня охоты. Натянув

смертоносный лук, от стрел которого не может уйти ни одно живое существо, Диана целилась прямо в сердце Геракла. Гневным голосом она потребовала, чтобы он немедленно выпустил лань, если не хочет умереть. Не желая сердить богиню, Геракл смиренно ответил, что он поймал лань не по своей доброй воле, а по приказанию

великих богов. Он попросил позволения только показать лань Эврисфею с тем, чтобы сейчас же выпустить её.

Грозная богиня смягчилась и позволила Гераклу отнести лань в Аргос.

Увидев героя с Киренейской ланью на руках, Эврисфей задрожал от гнева и зависти к его великой удаче. Ведь и так о Геракле говорила вся Греция. О Геракле, а не о нём! Царь сейчас же принёс жертву гневной богине Гере и по её совету послал Геракла в Стимфальский лес. Он потребовал, чтобы Геракл выгнал из этого леса и перебил знаменитых Стимфальских птиц которых там

водилось великое множество. Решив, что этот подвиг легче всех остальных, Геракл охотно отправился в город Стимфал, а оттуда в дремучий лес, где жили чудесные птицы.

Ещё не дойдя до леса, он увидел целые тучи огромных Стимфальских птиц. Они кружились в воздухе,

прыгали по земле, сидели на деревьях и клекотали так громко, что у Геракла зазвенело в ушах. Когда они поднимались стаями в воздух, стоял такой лягз и звон, что Геракл подумал: «Уж не медные ли перья у этих птиц?» Так оно и было! Острые страшные клювы Стимфальских птиц, их крючковатые когти и перья были из чистой меди.

Разглядев птиц получше, Геракл понял, что он жестоко ошибался и что этот подвиг ничуть не легче других. Но не успел он ещё сообразить, что же делать, как целая стая хищников налетела на него сверху. Воздух гудел от их медных крыльев. Одна за другой птицы пронеслись над Гераклом. Вдруг большая стрела ударила прямо в львиную пасть, зацепив волосы героя. Не понимая, откуда падают стрелы, Геракл поднял голову и увидел, что Стимфальские птицы, кружась над его головой, стряхивают остроконечные сверкающие перья прямо со своих крыльев. Каждое такое перо было вдвое острее и тяжелее обыкновенной стрелы: оно могло пробить человека насквозь.

Хорошо, что Геракл, отправляясь в Стимфальский лес, разыскал в дубовой роще шкуру Немейского льва, которую сбросил, гоняясь за ланью. Он воткнул свою дубину в рыхлую землю и, накинув на неё львиную шкуру, присел на корточки в этой каменной крепости. Потом он стал пускать в птиц одну за другой золотые стрелы, подарок солнечного Аполлона. Одна за другой падали на землю и птицы, но ведь их было бесконечное множество, а у Геракла только двенадцать золотых стрел. Расстреляв их все до последней, Геракл стал пускать из лука медные птичьи перья, поражая Стимфальских птиц их же оружием. Но на место каждой убитой птицы слетались целые стаи других, и как метко ни стрелял Геракл, он скоро понял, что уничтожить всех медных хищников невозможно.

Тогда он прекратил свою охоту и, утомлённый долгой стрельбой из лука, скоро уснул под шкурой Немейского льва. И, снова явившись ему во сне, богиня Афина посоветовала герою смастерить как можно больше деревянных трещоток, вроде маленьких

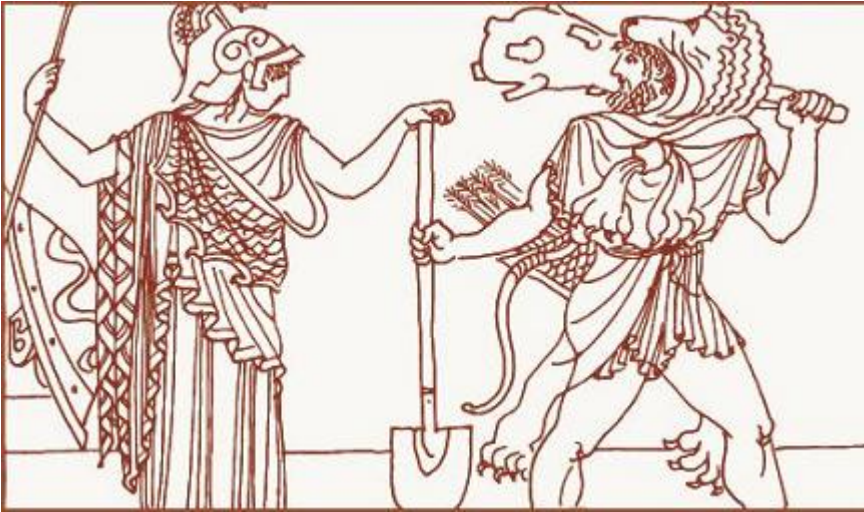
крылатых ветряных мельниц, какие делают ребяташки.

Геракл так и поступил. В ближайшей деревне с помощью жителей он изготовил такое множество этих трещоток, что, когда подул ветер и все они начали кружиться и трещать, люди глохли от шума.

На другую ночь Геракл отнёс трещотки в Стимфальский лес и расставил их там как раз под птичьими гнёздами.

Поднялся ветер, трещотки закрутились и загрохотали, наполнив лес невыносимым стуком. Перепуганные птицы поднялись со своих гнёзд и с печальными криками улетели прочь с насиженных мест, в далёкие страны, к берегам Евксинского Понта.

Подобрав несколько медных птиц, подстреленных им накануне, Геракл связал их лапами вместе и

отнёс к Эврисфею. Весело пировал Геракл во дворце Эврисфея, а молва о его удивительных подвигах катилась из царства в царство, из города в город, до самого края земли. Люди и боги везде прославляли героя. Но чем больше они говорили о нём, тем сильнее завидовал ему Эврисфей. Злой царёк видел, что сын Зевса не боится никаких подвигов. Мало того, он

чувствовал, как презирает могучий слуга своего трусливого хозяина. И он окончательно решил известить Геракла непосильной работой.

Мрачный и злой, Эврисфей целыми днями шагал из угла в угол, придумывая, куда бы послать героя, как бы его опозорить перед всеми людьми. Каждую ночь Эврисфей выпивал по целой чаше снотворного зелья, чтобы поскорее увидеть во сне коварную Геру.

Но богиня сама не могла ничего придумать, и царю Эврисфею вместо неё снились разные глупые сны. От этого он просыпался ещё злее, чем был вечером, и с утра начинал колотить своим посохом всех придворных.

Наконец Гера отправилась за советом к хитроумному богу торговцев — Гермесу. Сын Зевса, Гермес любил своего брата Геракла, но ещё больше любил он придумывать для людей и богов всякие хитрые задачи, которые никак невозможно решить.

Выслушав Геру, Гермес улыбнулся и сказал что найти неисполнимое для Геракла дело совсем не трудно. Стоит только послать его в Элиду к царю Авгию и приказать очистить от навоза конюшни, в которых царь держал стадо своих волшебных быков. Авгиевы конюшни никто никогда не чистил, и за многие годы в них накопилась такая толща навоза, что никакой человеческой жизни не хватило бы на эту работу.

— Как только Геракл заглянет в стойла, — уверял Гермес Геру, — он откажется убирать навоз. Нужно быть совсем сумасшедшим, чтобы взяться за такое безнадёжное дело.

Обрадованная Гера немедленно явилась Эврисфею во сне, и царь, вскочив, отправил Геракла прямо с пира чистить Авгиевы стойла.

Узнав о такой неприятной и грязной работе, Геракл очень обиделся. Как и многие молодые люди, он считал подвигами только те дела, где много опасностей, свиста стрел и звона мечей. Он никогда не отказывался от настоящего подвига, но совсем не хотел копаться в навозе. Однако мудрая богиня Афина шепнула ему, что это очень полезное для людей дело. А всякое полезное дело, особенно если его нелегко сделать, и есть настоящий подвиг. Подумав, Геракл вспомнил, какое обещание он дал когда-то самому себе, молча взял большую лопату, поднял её на плечо и отправился к Авгию.

Царь Авгий был самым богатым царём на земле, потому что отец подарил ему три тысячи быков белых как снег, две тысячи быков красных как кровь, и ещё одного, особенного, который ночью блестел, словно звезда.

Все быки были так велики и свирепы, что ни один человек не мог войти в их стойла. От этого животные обросли навозом и грязью до самых хребтов.

Тяжёлый запах гнилой соломы поднимался над конюшнями, и люди в окрестностях стонали, задыхаясь от этих вредных испарений.

Явившись в Элиду, Геракл целый день бродил вокруг конюшен, слушая грозный рёв волшебных

быков и звон золотых цепей, которыми их приковали к стойлам. Он осмотрел всю долину за конюшнями и гору, с которой бежали, будто гонясь друг за другом, две бурные реки — Алфей и Пеней. Высмотрев всё, что ему было нужно, Геракл пришёл к царю Авгию и очень спокойно сказал ему, что берётся очистить огромные стойла в одни сутки, если только царские пастухи сумеют выгнать оттуда быков.

Услышав хвастливую речь Геракла, Авгий так громко рассмеялся, что даже его быки ответили ему дружным рёвом. Вслед за царём захохотали и гости, сидевшие с Авгием за столом, и смех их был ничуть не слабее мычания быков: люди в те времена умели хорошо посмеяться. А за гостями рабы и слуги начали хвататься за бока, покатываясь от хохота. Выбежав из дворца, они рассказали воинам о том, как глупо хвастается Геракл. Воины побросали на землю щиты и залились весёлым смехом. Скоро весь город потешался над Гераклом, а волшебные быки всё топтались в своих стойлах и ревели, как буря. Но Геракла не смутили эти насмешки. Он без всякого приглашения сел за стол и, пока люди смеялись над ним, ел и пил столько, сколько хотел.

Кончив смеяться, Авгий вытер глаза и предложил Гераклу побиться с ним об заклад, что ему не очистить конюшен и за целый год. Авгий был так уверен в этом, что обещал Гераклу десятую часть своих быков, если только герой сумеет сдержать своё хвастливое слово. А если Геракл проиграет, он должен отдать царю единственное своё сокровище — золотые доспехи и шкуру Немейского льва.

Все, кто сидели на пиру, уговаривали Геракла отказаться от глупой затеи, считая, что он обязательно проиграет, но могучий герой принял вызов царя.

Чуть только забрезжило утро, он взял лопату, попросил у рабов топор и пошёл через город в лес, который рос в долине между двух рек. Пока он шёл по улицам, люди выглядывали из дверей домов, из-за колонн храмов и,

давясь от смеха, показывали на него пальцами. Но герой не обращал внимания на них. Вломившись в самую чащу леса, он стал рубить и валить деревья одно за другим. К полудню весь лес был срублен. Одни только свежие пни торчали из мха.

Кончив рубку, Геракл свалил толстые брёвна в кучу, обхватил их руками и понёс на берег Пеней. Там он бросил их в воду, закидал землёй и камнями и совсем запрудил реку. Потом он устроил плотину и на Алфее.

Весь город сбежался смотреть на работу Геракла. Видя, как он таскает тяжёлые брёвна, весёлые горожане перестали смеяться. Они покачивали головами, не понимая, зачем Гераклу понадобились плотины, и говорили, что знаменитый герой, вероятно, сошёл с ума.

Солнце уже садилось, когда Геракл достроил обе плотины.

Он закричал пастухам, чтобы те поскорее выгнали всех быков вон из стойл и как можно шире открыли ворота. Потом Геракл спокойно уселся на берегу и стал смотреть, как бурные воды обеих рек, прибывая с каждой минутой, поднимались до самого верха плотины. Вода бурлила и

клокотала, стараясь прогнать тьму. Между тем сам Авгий пришёл поглядеть, что успел сделать Геракл за день. Увидев плотины, царь только пожал плечами, и все согласились, что Геракл, очевидно, и впрямь безумец: ведь солнце уже садилось, а он ещё и не думал приниматься за чистку стойл. Но как только солнце коснулось земли, реки хлынули через плотины. Воды их с рёвом слились в один могучий поток и затопили

долину, посередине которой возвышался Авгиев хлев. Крутясь и пенясь, поток ворвался в ворота грязных конюшен и, прежде чем люди успели опомниться, смыл весь навоз и вынес его через вторые ворота в широкое поле. То самое дело, которое люди не сумели бы сделать и в год, реки сделали в полчаса. Стойла царя Авгия были очищены.

Тогда Геракл разрушил плотины и, успокоив бурлящие воды, вернул потоки в прежние русла. Вода сбыла. Поляна сейчас же просохла, и Авгий, а с ним и весь народ увидели сквозь широко открытые ворота столь чисто вымытые стойла, точно сами быки вылизали их своими шершавыми языками.

По всей стране покати́лась весть об этом подвиге Геракла. Слепые певцы пели о нём, сидя в пыли на припёке у городских ворот. Матери рассказывали про него дочерям, а отцы сыновьям. Но сердце самого героя было неспокойно. Ведь кровь убитых им детей всё ещё тревожила его совесть. Шесть великих дел свершил он. Много раз глядел в глаза смерти. Но всегда легче совершить плохой поступок, чем потом загладить свою вину. Об этом нельзя никогда забывать.

Нужно было совершить ещё немало подвигов, прежде чем Геракл мог получить желанное прощение. Надо было торопиться. Великий герой не хотел состариться и умереть, не выполнив назначенного ему богами урока.

Вот почему он не стал пререкаться с жадным скрягой Авгием, когда тот отказался заплатить ему за очистку стойл.

— Радуйся, о царь скупцов! — с презрением сказал герой Авгию. — Нет у меня времени сейчас настаивать на моей правде. Но берегись того дня, когда я совершу свой двенадцатый подвиг. Тогда я вернусь сюда, и ты пожалеешь о своём обмане.

Сказав это, он удалился из Элиды и пошёл назад к Эврисфею. А люди с — тех пор и до наших дней, когда хотят рассказать о каком-нибудь грязном и беспорядочном месте, говорят: «Это настоящие

Авгиевы конюшни». Долго думал тщедушный и трусливый Эврисфей, прежде чем назначить своему могучему слуге новый урок. Он видел, что мужество и сила Геракла не знают предела. Казалось — все опасные и трудные работы уже сделаны.

В это время дошла до слуха царя удивительная весть.

— Далеко за синим морем, — говорили царю приезжие купцы, — лежит богатый остров Крит. Царствует там гордый царь Минос. Он не боится никого из людей; он осмеливается нарушать даже волю

богов. Не так давно случилось с ним вот что. Бог моря Посейдон выслал из морских глубин на берег прекрасного круторогого быка. «Этого быка, — повелел бог, — ты, Минос, должен отвести в священную рощу на берегу и там принести мне в жертву, заколов его на камне, обточенном моими волнами».

Так бы и надо было сделать царю.

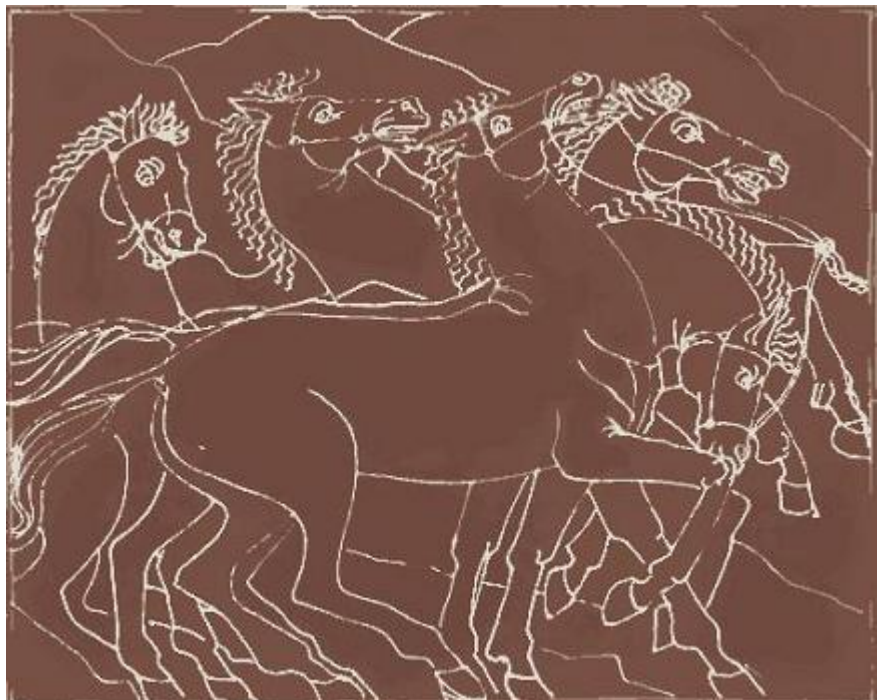
Но Миносу очень понравился тучный и красивый бык. Он пустил его в своё стадо, а в жертву богу принёс простого телёнка.

Тяжко разгневалось Море на Миноса за такую дерзкую насмешку. Волны его с шумом ударились о критские берега, и в тот же миг быком овладела великая ярость. Как бешеный, ринулся он прочь от стойла, оглашая окрестности диким рёвом. Немало дней прошло с тех пор, а этот морской бык всё ещё бродит по полям и лесам Крита. Он убивает и калечит людей, и нет смельчака, который смог бы обуздать его.

Царь Эврисфей обрадовался такому известию. «Вот, — думал он, — настоящая задача для моего слуги». Но он хотел сделать работу Геракла ещё более трудной и сложной.

Поэтому, посылая его за Критским быком, он заодно повелел ему привести из далёкой страны Фракии страшных кобылиц царя Диомеда.

На высоком морском берегу построил свой мрачный дворец жестокий царь Диомед. Между острыми глыбами скал возвышались рядом с этим дворцом крепкие конюшни. Там, прикованные к дубовым яслям, рыли копытами землю, храпели и косили глазами прекрасные гнедые кобылицы. Их шерсть

блестела, как медь. Их шеигнулись до самых копыт. Но горе было тому, кто подошёл бы поближе к этим быстроногим скакунам. Они не ели ни сена, ни свежей травы, ни золотого овса, ни

тяжеловесных ячменных зёрен: это были кони-людоеды.

И каждый раз, как буря разбивала корабль против дворца Диомеда, его слуги подбирали тонущих и бросали их на съедение кровожадным кобылицам своего повелителя.

Нелегко было Гераклу выполнить новый приказ трусливого и коварного Эврисфея. Но делать нечего. С дубиной в руках (двадцать воинов не могли бы поднять с земли эту дубину), с рыжей шкурой Немейского льва на плечах тронулся он в далёкий путь. На лёгком корабле плыл он на остров Крит, и гребцы корабля дивились добродушию и силе великого героя.

Пусто и безлюдно было в те дни на Крите. Дороги заросли чертополохом и колючим акантом, поля заглохли: все боялись страшного быка.

Могучий герой смело пустился навстречу чудовищу. На глухом перекрестье они встретились. Бык, наклонив голову, со злобным мычаньем бросился на Геракла. Но смелое сердце не дрогнуло.

Дождавшись, чтобы бык подбежал совсем близко, Геракл схватил его могучими руками за рога и прижал головой к земле. Как ни рвалось дикое животное, как ни храпело, как ни вращало налитыми кровью глазами, всё было тщетно. Надев на быка ремённую узду, Геракл сел на него верхом и поплыл через море к царю Эврисфею.

Увидев быка, Эврисфей, как всегда, ужаснулся и спрятался во дворце, а быка приказал выпустить поскорее за городские стены. С рёвом помчалось страшилище по всей стране, наводя страх на жителей.

Долго носилось оно по горам и долинам Греции, пока далеко в стране Марафонской не поймал его другой великий герой — Тезей.

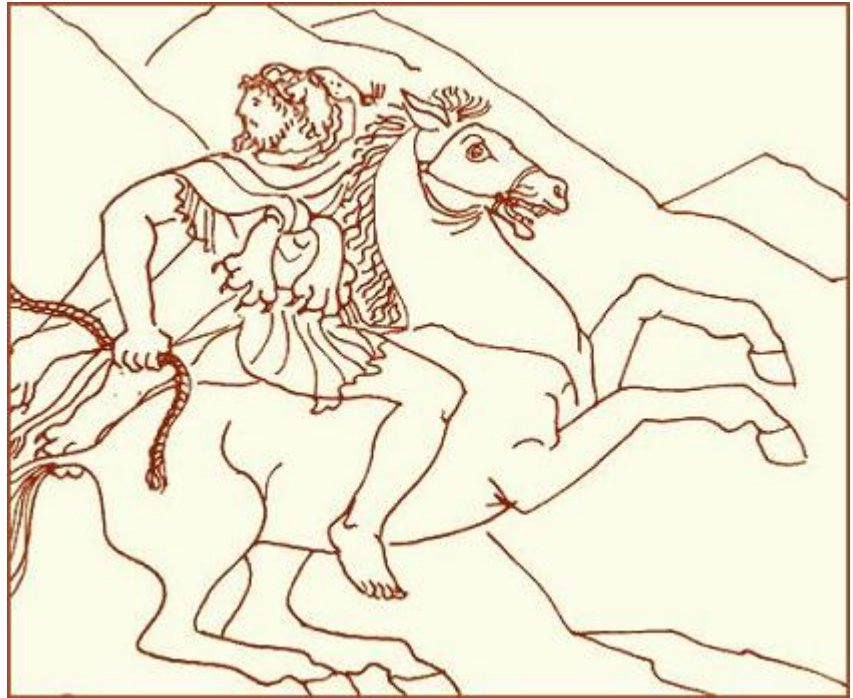
А Геракл между тем уже плыл во Фракию, где над могучей пучиной на чёрных скалах высился дворец Диомеда и злобно ржали страшные

кобылицы.

В тот час, когда он подошёл к конюшне, Диомед охотился в лесах своей страны. Геракл бесстрашно распахнул ворота и зашёл в стойло, усыпанное человеческими костями. Он связал верёвками испуганную стражу, смело накинул уздечки на кровожадных коней и повёл их к своему кораблю.

Но слуги дали царю знать о том, что случилось в его конюшнях.

Разгневанный царь бросился вместе со своими воинами на морской берег и тут встретил Геракла.

В жарком бою Геракл победил воинственных фракийцев. Одним ударом дубины он разбил голову свирепому Диомеду и швырнул его тело на съедение коням.

Потом Геракл отвёл страшных кобылиц Эврисфею.

Эврисфей, как подобает жадному трусу, не сберёг и этих кобылиц.

Дрожа от страха, едва взглянув на них издали, велел он выпустить их в дикие Ликейские горы. Там, между скалистых круч и сосновых лесов, на них напали злые горные волки, и скоро только старцы-певцы в своих песнях поминали страшных животных и их свирепого хозяина.

Царь Эврисфей был всегда угрюм и мрачен. Он ненавидел всех, кто был умнее, храбрее, сильнее его. Но было на свете одно существо, в котором он души не чаял — его дочь, золотоволосая царевна Адмета.

Когда Адмета смеялась, царь Эврисфей улыбался. Зато когда она плакала, он скрежетал зубами, и горе было человеку, виновному в её слезах. Если же Адмета говорила: «Я хочу!», то её слово было сильнее всех

законов в царстве Эврисфея.

Однажды няня рассказала Адмете удивительную историю.

— За далёким Евксинским Понтом, — говорила няня, — лежит таинственная страна амазонок. В этой стране нет мужчин; там живут одни только женщины. Но это не просто женщины. С колыбели они учатся воевать. Их игрушки — острые мечи и луки со звонкими стрелами. Совсем ещё маленькими девочками они уже садятся в сёдла и скачут по горам и долам своей страны, как самые смелые всадники. Не было доныне ни одного полководца, который сумел бы — хитростью или силой — победить смелую конницу амазонок. Никогда ещё враг не пробирался в их столицу, в знаменитый таинственный город Гемескиру. Этот город высится там, где бурная река Термодон

впадает в сердитый Понт Евксинский. Посреди города возвышается пышный дворец, а в нём живёт великая царица амазонок, прекрасная Гипполита.

Много дивных сокровищ хранится в кладовых и амбарах её дворца. Там есть драгоценные камни, взятые смелыми всадницами в бою, и военные кольчуги из тонких золотых цепочек. Там есть хрустальные сосуды, привезённые из далёких восточных стран, и пёстрые чепраки, которыми накрывают потные спины царских лошадей. Но дорожке всех драгоценностей для царицы Гипполиты её волшебный пояс: этот пояс она надевает, готовясь к бою. Он не красив и не пышен. Зато его подарил Гипполите сам свирепый бог войны, кровавый Арес. Этот пояс приносит счастье в бою. Вот почему амазонки стерегут его как зеницу ока. Горе тому, кто захочет отнять его у них.

Едва только золотокудрая Адмета услышала этот рассказ, как ей захотелось получить и примерить такой удивительный пояс. Надев свои маленькие сандалии, она побежала по каменным плитам дворца в те покои, где жил её отец. Бросившись ему на шею, она сказала, что больше всего на свете сейчас же, теперь, она хочет получить в подарок волшебный пояс царицы Гипполиты.

Эврисфею самому никак не удалось бы добыть эту великую драгоценность. Но ведь Геракл ещё не совершил всех назначенных ему подвигов. И вот снова приказывает тщедушный царёк герою покинуть родную страну и отнять у отважных амазонок волшебный пояс их царицы...

Долго лёгкие ладьи Геракла пенили острыми носами волны. Долго плыл он из милой Греции в ту сторону, где летом восходит солнце. Наконец перед ним выросла на морском берегу столица амазонок Темескира. Спутники Геракла вытащили на берег свои лёгкие корабли, разожгли вокруг них костры и стали лагерем под стенами великого города.

Скоро послышались звуки труб. Царица Гипполита сама пришла в лагерь узнать, что нужно в её земле чужестранцам.

Мирно и почтительно встретил герой смелую владычицу амазонок. Ничего не скрывая, он рассказал ей всё про себя и про свою службу у Эврисфея.

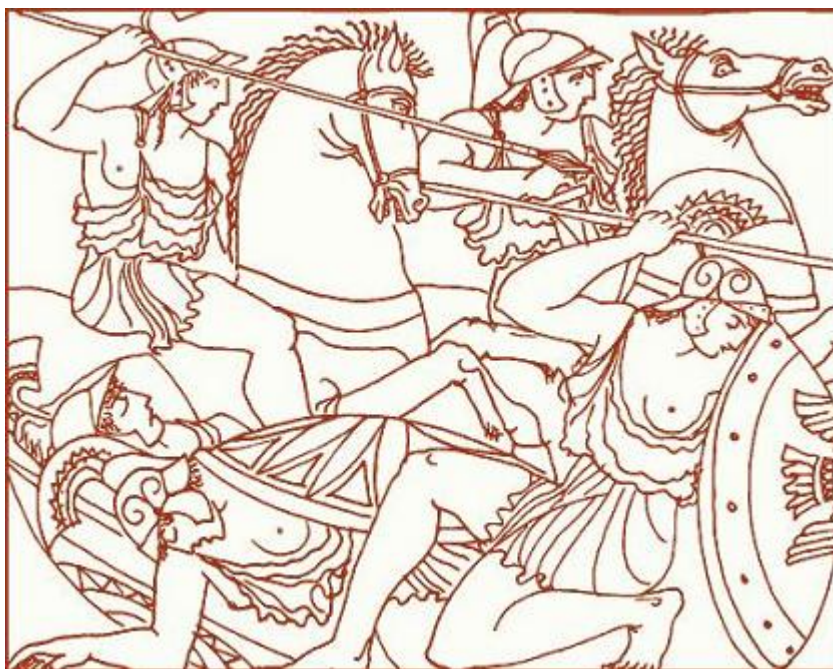
Выслушав его рассказ, Гипполита растрогалась: ведь она как-никак была женщиной.

— Будь спокоен, сын Зевса, — сказала она, — тебе не придётся проливать кровь из-за волшебного пояса. Правда, я дорожу им больше всех своих сокровищ, но для тебя я не пожалею его. Будь моим гостем, Геракл. Отдыхай в мире. Через несколько дней я отдам тебе свою лучшую драгоценность.

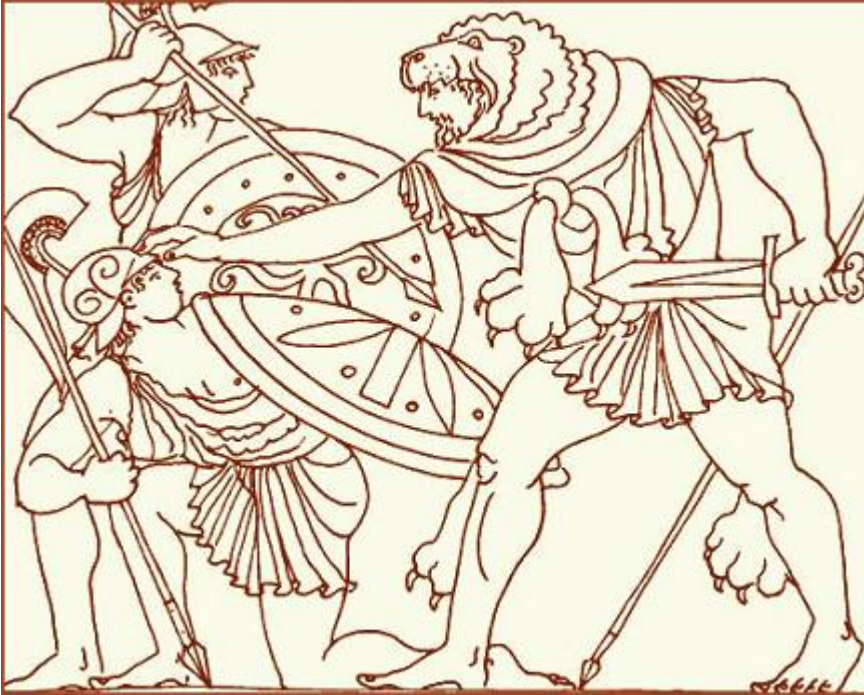
Так мирно сговорились между собой эти смелые и благородные люди.

Но коварная богиня Гера всё ещё не теряла надежды погубить ненавистного ей Геракла. Тёмной ночью, обернувшись амазонкой, она проникла в Темескиру и пошла по её тёмным улицам, нащёптывая встречным лживые речи.

— Не верьте Гераклу, — говорила она. — Его добродушие обманчиво. Не пояс нужен ему — он хочет похитить нашу царицу и увести её в далёкие страны.

И она так много и так долго, так хитро уговаривала простодушных воительниц, что в конце концов они поверили ей. Тотчас вскочив на своих коней, амазонки взяли за оружие и устремились к

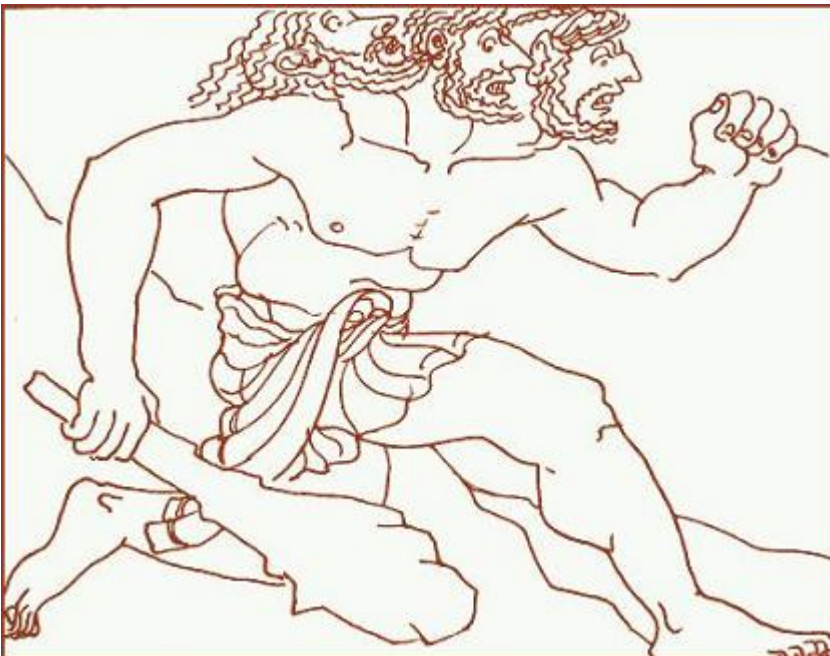
лагеря Геракла и было много тревожало. Смелые всадницы одна за другой нападали на самого героя, но одну вслед за другой он повергал на землю. Вот уже пала быстрая, как вихрь, Аэлла. Погибла и Протоя, женщина-герой, семь раз подряд побеждавшая храбрейших воинов. Попала в плен предводительница Меланиппа, и войско амазонок побежало в ужасе перед Гераклом. Царица Гипполита поспешила вручить ему свой пояс. Горько покачал Геракл головой.

— О Гипполита, Гипполита, —

сказал он ей с упрёком. — Я не хотел кровопролития и гибели твоих сестёр. Зачем вы послушались коварных речей матери богов?

Перед разлукой он дружески обнял царицу амазонок. Неутешно оплакивала она смерть своих лучших подруг, но не сердилась на Геракла. Они расстались друзьями, и скоро золотокошая Адмета уже играла поясом Гипполиты. Впрочем, ей он не понравился. Он был беден с виду и некрасив. Для того чтобы оценить его как должно, надо было иметь великое и смелое сердце. Дочь же трусливого Эврисфея совсем не отличалась мужеством.

Вот почему пояс Гипполиты скоро пропал неизвестно куда. Далеко от Греции, в той стороне, где

вечером солнце пылающим кругом спускается в зелёные волны океана, лежал среди вечно ропщущих вод пустынный остров Эритея. Он был дик и необитаем. Только время от времени раздавались на нём гулкие, тяжёлые шаги. Это огромный, как туча, трёхголовый великан Герион приходил сюда осматривать стада своих быков. В безопасности и покое паслись они на зелёных лугах Эритеи. Лениво пощипывая сочные травы, мирно бродили по безлюдному острову эти быки,

огромные, как самый большой слон, огненно-красные, как те облака, что горят по вечерам на закате. Ни зверь, ни человек не могли добраться до них через бурные воды западного моря. Но, боясь за свои стада, Герион всё же приставил охранять и пасти их другого великана, Эвритиона.

Эвритион был столь же велик, как и его хозяин Герион, но не был трёхголовым. Зато в помощь пастуху-гиганту был дан хозяином страшный пёс Орт. Этот пёс одним глотком мог бы проглотить сразу десять огромных львов или тигров.

Так вот, за быками Гериона и отправил своего могучего слугу Геракла трусливый и жадный

Эврисфей, когда пришла тому пора совершить свой десятый подвиг.

Долго шёл покорный Геракл на запад, через те земли, где теперь Франция и Испания. Он перебирался через высокие горы, переплывал бурливые реки. Наконец достиг он места, возле которого Африка отделяется от Европы узким и глубоким проливом.

Через этот пролив Геракл перебрался с великим трудом. В память о своём путешествии на обоих берегах он поставил по высокой, похожей на столб скале. Мы теперь зовём эти скалы Гибралтаром и Сеутой. В древности же их называли «Геркулесовыми столбами». Они находятся так далеко от солнечной Греции, что только хвастуны и лгуны осмеливались в те времена уверять, будто и они, как Геракл, доходили до их подножий. Вот почему и посейчас, когда хотят сказать, что какой-нибудь человек много лжёт и хвастается, говорят: «Ну, он дошёл до Геркулесовых столбов».

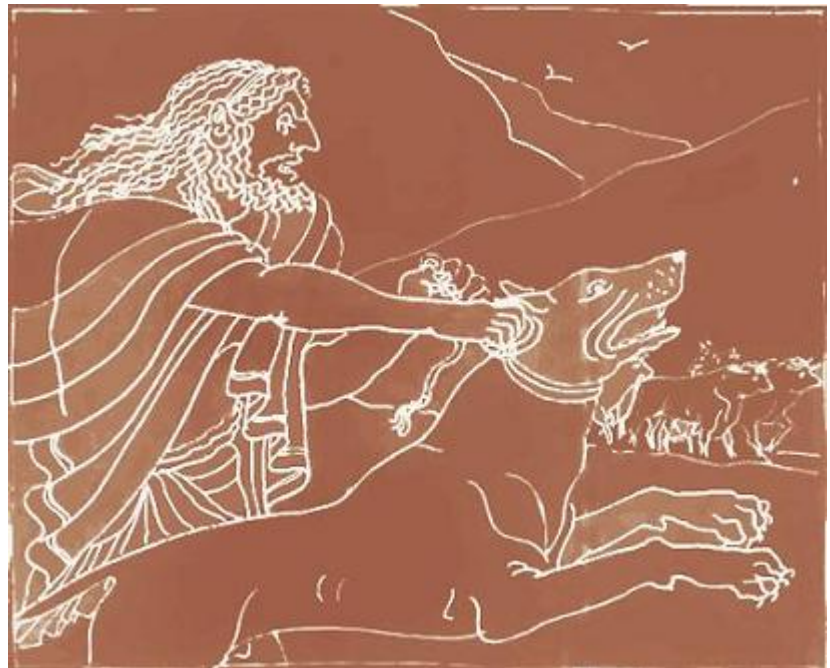
Миновав это мрачное место, Геракл вышел на берег бурного западного океана. Пусто было здесь; так пусто, что даже герою стало жутко. Солёный ветер рвал пенные гребни волн, свистел в пустых ракушках на прибрежном песке, трепал космы водорослей, выброшенных на берег прибоем. Далеко, за открытым простором моря, лежал серый остров Эритея. Но ни одного паруса не было видно вдаль, ни следа от челна на сыром песке, ни даже выброшенных морем брёвен, чтобы сколотить плот. Геракл сел на львиную шкуру, положил рядом с собой тяжёлую палицу и верный лук и, охватив колени могучими руками, стал мрачно смотреть на пенные гребни волн.

День клонился к вечеру. И вдруг увидел Геракл, что Гелиос-солнце на своей лучезарной колеснице начал спускаться с высоты небес на запад и с каждым мигом приближается к нему.

Наполовину ослеплённый сияньем и блеском, разгневался Геракл на солнечного бога. Он схватил свои лук и нацелился острой стрелой в светозарного Гелиоса.

Бог-солнце удивился такой смелости. Но он не рассердился на сына великого Зевса. Расспросив, в чём дело, узнав, что делает герой в этом диком краю, он даже уступил на время Гераклу свой чёлн. На этом челне Гелиос каждую ночь сам переезжал через океан, чтобы утром снова подняться над восточным краем земли.

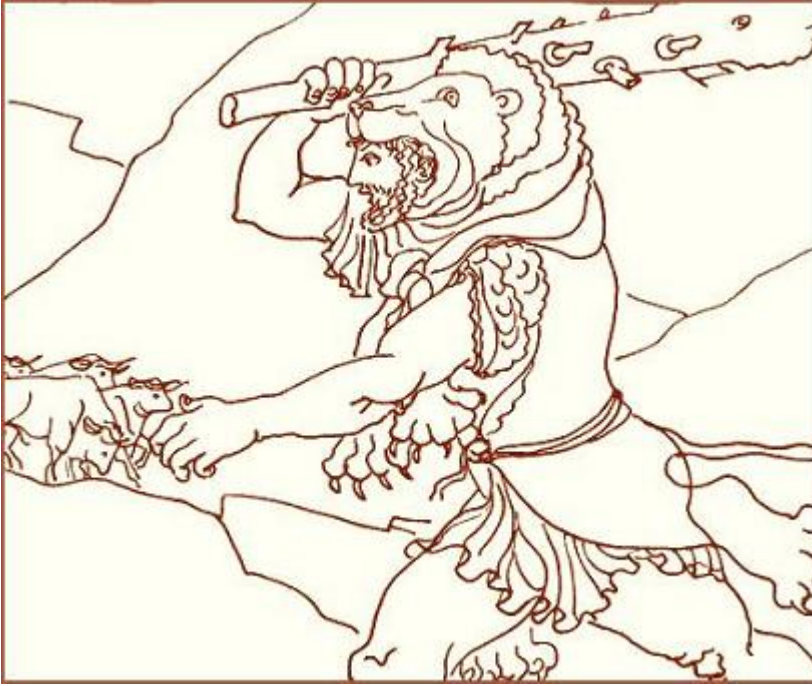
Обрадовавшись, Геракл сел в ладью солнца и, переплыв море, прибыл на дикий остров. Ещё издали донеслось до него по волнам океана громкое мычание пурпурных быков, но едва он ступил на берег, как страшный

пёс Орт с хриплым лаем и рычанием кинулся на него.

Одним взмахом палицы герой отшвырнул ужасного пса, вторым ударом убил исполинского пастуха и, собрав быков, погнал их к своей ладье.

На полпути к берегу настиг его хозяин быков, трёхголовый великан Герион. Но тремя стрелами герой поразил чудовище и, спокойно переправив быков через океан, возвратил ладью Гелиосу-солнцу.

Далёкий путь предстоял теперь Гераклу. Через тридевять земель погнал он волшебное стадо в родную Грецию.

Он прошёл, подгоняя быков длинной и острой жердью — стрекалом, — через выжженные плоскогорья, цветущие долины и сочные луга нынешних Испании и Франции.

Наконец великой стеной стали на его пути непроходимые Альпийские горы.

Трудно было могучему пастуху провести своё стадо через их теснины и кручи. Двойные копыта благородных животных скользили по гладким скалам,

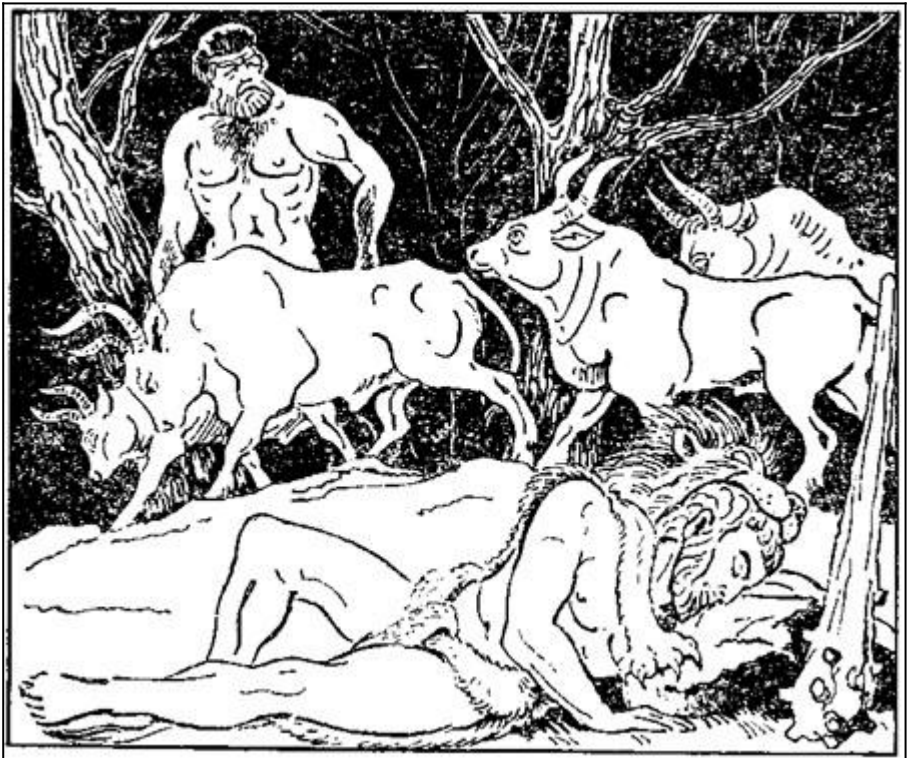
тонули в вечном снегу горных вершин. И всё же горы остались позади. Впереди зазеленели плодородные равнины Италии...

Как-то вечером, когда с болот потянуло лихорадочной сыростью, утомлённый Геракл согнал быков в узкую долину между лесистых гор, лёг на землю, подложил под голову большой плоский камень и крепко уснул.

Его охватил непробудный сон. Должно быть, злая Гера подслала к нему маленького сонного Морфея, бога с длинными тяжёлыми ресницами, в колпачке из лепестков снотворного мака.

Геракл уснул и ничего не услышал. Не слышал он, как в густом буковом лесу затопали чьи-то тяжёлые шаги, как кто-то огромный, шумно дыша, ходил по поляне, как жалобно мычали быки Гериона — сначала близко, потом всё дальше и дальше...

Он проснулся только утром и с гневом увидел, что долина пуста. Измятая трава блестела от росы, да грустно мычал единственный уцелевший телёнок со звёздочкой во лбу. Вне себя от ярости герой бросился в погоню. Точно взбешённый вепрь, метался он по итальяским холмам и рощам в поисках следов, но на каменистой почве их было трудно обнаружить. Всё казалось пустынным вокруг. Наконец, уже на склоне дня, Геракл приблизился к одиноко стоявшей в лесу горе. Достигнув её подножия, герой внезапно остановился. Он ясно услышал: из глубины горы доносилось глухое мычанье.

Удивлённый и встревоженный, Геракл обошёл несколько раз нагромождённые скалы. В одном

месте он увидел заросший кустами, забросанный обломками утёсов вход в пещеру. Всё пространство перед пещерой было утопано множеством быков. Вглядевшись в истоптанную копытами землю, Геракл увидел, что следы ведут не в пещеру, а от неё, в долину.

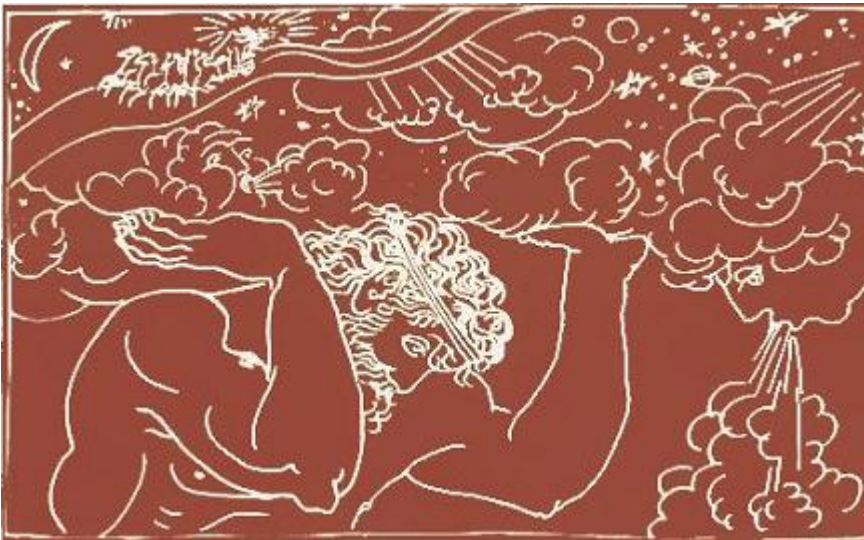
Как это могло случиться? Ведь мычание доносилось из пещеры...

Геракл был не только отважен и силен. Он был догадлив и хитроумен. Он быстро сообразил, в чём тут дело. Наверное, хитрый вор связал всё стадо хвостами вместе и увёл быков за собою, таща за хвосты, задом наперёд. Вот почему следы получились обратные. В гневе начал Геракл раскидывать в стороны тяжёлые камни завала. И как только первые камни с грохотом разметались по окрестному лесу, из-за деревьев донёсся громкий топот и треск. Это злобный похититель, свирепый великан Какос, спешил на защиту своей добычи.

Он ринулся на дерзкого Геракла, подняв палицу выше вершины леса, изрыгая огонь и клубы серного дыма, рыча голосом, подобным грому.

Но всё это было напрасно. Метнув острую глыбу великану в висок, герой поверг его мёртвым на землю. Затем он выгнал быков из пещеры, собрал и пересчитал своё стадо и погнал его в Грецию.

Там прекрасный гурт был вручён Эврисфею. Эврисфей же заколол волшебных быков и принёс их в жертву ревнивой богине Гере. Он очень хотел оставить их себе, но побоялся: чересчур уж прекрасны были для смертного быки Гериона. Чем больше подвигов совершал могучий герой

Геракл, тем опаснее и труднее становились уроки, которые задавал ему безжалостный Эврисфей. Не успело замолкнуть в аргосских стойлах глухое мычание быков Гериона, как ничтожный царёк снова потребовал к себе своего великого слугу.

— Дошла до меня, — сказал он Гераклу, — удивительная весть. Далеко от нас, где-то на самом краю земли, на

берегах могучего океана, есть сад, разбитый на голых скалах великаном Атлантом. По сю сторону того сада на много дней пути простираются необозримые пустыни, спалённые солнцем; злые скорпионы и ядовитые змеи обитают в них. По ту сторону, над безграничным морем, за которое заходит солнце, раскинулось синее царство богини Ночи.

Дочери ночи — прекрасные сёстры-вечерницы — Геспериды вылетают по вечерам из его прохладных тёмно-лазурных просторов. Они спускаются в сады Атланта и стерегут их от похитителей. Сказать по правде, там есть что охранять, потому что на свете нет ничего прекрасней и таинственней этих густолиственных садов.

Блестящие как золото, большеглазые птицы, воркуя, порхают там с ветки на ветку в голубом вечернем тумане. Тоненькими голосами звенят хрустальные ручейки, и дно их устлано золотистым песком. В прозрачных водоёмах цветут розовые лотосы. И пёстрые рыбы выплывают порой из-под листьев, а по нежным стеблям трав стекают и капают вниз на землю благоуханные смолы.

В самой же глуши сада, в его зелёной и влажной тени, растёт прекрасное пышнолистное дерево. Ствол его тонок и строен, ветки гибки, и на них, сияя и днём и во мраке ночи, висят золотые яблоки, каких никогда не видели глаза человека.

Геракл! Я хочу, чтобы ты достал мне три таких яблока. Я знаю — ты смел и могуч. Но не надейся заранее на лёгкое дело. Знаешь ли ты, кто такой Атлант, хозяин этого сада и этих яблок? Послушай — я тебе расскажу, кто он.

На краю света, над тёмной и страшной бездной, широко расставив ноги, стоит, нагнувшись,

великан, огромный, как гора. Могучими руками он упёрся в небо и поддерживает над нами небесный свод. Стоит ему хоть на минуту отпустить свою тяжёлую ношу, и небо рухнет вниз на землю, тучи сорвутся с него, упадут луна и солнце, посыплются вниз яркие звёзды. Настанет конец всему. Этот великан, держатель неба, и есть Атлант. Атланту некогда самому стеречь золотые яблоки. Но он дорожит ими больше, чем жизнью. Поэтому в помощь сёстрам Гесперидам он приставил злого дракона Ладона. У этого чудовища только один глаз в широком лбу, но зато этот глаз никогда не закрывается. Горе тому, кого увидит бессонное око дракона.

Вот что мне рассказывали бывалые и мудрые люди. Так это или не так, я не знаю, но яблоки ты должен мне раздобыть. Таков мой приказ. Слышал ты его, о мой слуга Геракл?

Геракл всё слышал. Как всегда, возложив на плечи шкуру Немейского льва, он застегнул её лапы спереди на груди, сцепив когти с когтями, и, опираясь на свою страшную палицу, немедленно тронулся на поиски удивительного сада.

Долго блуждал он по всей земле, углублялся в холодные области севера, бродил под палящим солнцем юга, заходил на запад и на восток — всё было тщетно. Никто не мог рассказать ему, где живут сёстры-вечерницы.

Наконец, придя на берег северной реки Эридана, он услышал в её волнах нежные, как шелест струй, голоса. Это водяные нимфы, милые и кроткие создания, жившие тут, выплыли наверх, услышав его тяжёлую поступь. Им стало жалко героя, и они посоветовали ему побеседовать со старым отцом волн, косматым Нереем.

Выслушав просьбы героя, Нерей поделился с ним своей тайной. В страшном месте находились сады Атланта. Место это лежало далеко за жёлтыми песками Африки, за дикими степями, где бродят львы и пресмыкаются серые змеи пустынь. Но грознее всех змей и всех львов был в той стране её повелитель, сын Земли, великан Антей.

Боги приказали ему никого не пропускать через свои владения, и великан неуклонно выполнял свой долг. Каждого, кто приближался к нему, он заставлял померяться с ним силой.

А это было совсем безнадежно: ведь голова Антея возвышалась над самыми высокими пальмами его страны — в нём было целых шестьдесят локтей роста. Мало того — его нельзя было утомить в бою. Как только он чувствовал усталость, он прикасался рукой или ногой к своей матери Земле, и тотчас же в него вливалась новая сила. Вот почему он убивал одного за другим всех противников и их костями украшал храм своего отца, бога морей, Посейдона.

Эти страшные вести не смутили Геракла. Смело вступил он на горячую землю Ливийской пустыни, и скоро вдали перед ним, среди раскалённых песчаных холмов, поднялся в тумане огромный торс Антея. Рассерженный гигант протяжным окриком остановил героя у границы своих владений и без дальних слов ринулся на него.

Началась жестокая битва.

Охватив друг друга могучими руками, кружились враги по знойной пустыне. Песчаные вихри вздымались от их ног и скоро затмили солнечный свет. Но сила Антея всё время росла — ведь он стоял ногами на родимой земле, — а Геракл начал уже уставать. Неужели победа останется за великаном?

Но нет! Геракл был ловок и хитёр. Он вспомнил, что ему говорил старец Нерей. Собрав последние

силы, он вдруг поднял Антея высоко в во
Тотчас же могучий гигант стал
слабеть. Тщетно тянулся он
руками и ногами к своей
матери, чтобы набраться от неё
новой силы. Геракл, дрожа от
напряжения, держал его на
весу и не давал прикоснуться к
Земле. И скоро суровый
великан стал слабее малого
ребёнка.

Геракл совсем не хотел зла
Антею. Но ему нужно было во
что бы то ни стало пройти
через его владения.

— Пропусти меня через
пустыню, Антей, — сказал он.

— Нет, — сказал Антей. — Я не
могу сделать этого. Я не могу
нарушить волю богов.

Тогда, держа великана одной

рукой, герой протянул другую к его горлу и без труда задушил своего врага. Так погиб могучий Антей.

С тех пор мудрые люди часто вспоминают его страшную гибель.

— Подобно Антею, — говорят они, — погибнет всякий, кого какая-нибудь сила оторвёт от матери-Земли, его породившей. Каждый, кто забудет родину, кто потеряет близость с народом, среди которого он вырос, который его вскормил и воспитал, погибнет, как Антей...

Победив Антея, Геракл устремился дальше и скоро добрался до сада Гесперид. От прекрасных деревьев повеяло на него благоуханным ветерком. Сёстры-вечерницы приветливо встретили благородного героя. Но они не смели сами касаться золотых яблок. Нарвать их мог только хозяин сада, могучий Атлант. Титан охотно подарил бы Гераклу яблоки, но ему нельзя было ни на минуту выпустить из рук край неба, который он держал: иначе наступил бы конец мира. Как же быть?

С трепетом глядел Геракл на согнувшегося под тяжестью неба титана и на неизмеримый груз, лежавший на его плечах. Но иного выхода не было, и он предложил Атланту сменить его, пока тот будет рвать с дерева золотые яблоки.

С восторгом согласился на это могучий титан. Радостно выпрямил он затёкшие за многие тысячи лет плечи, полной грудью вдохнул в себя вечерний воздух. В тот же миг страшная тяжесть налегла на Геракла. Кости его затрещали, ноги по колено ушли в землю, жилы на лбу надулись. Тяжёлый вздох вырвался из его груди — герой застонал под непомерным грузом. Но могучее тело выдержало. Он стоял, обливаясь потом, час, другой, третий. Стиснув зубы, держал он на себе всё небо, пока Атлант не принёс ему три сорванных яблока.

Атлант был простодушен, но считал себя хитрецом. Ему очень не хотелось снова становиться на своё вековечное место.

— Вот что, сын Зевса... — предложил он, не глядя в глаза Гераклу. — Давай сделаем так: ты поддержи ещё немножко небо, а я схожу за тебя в Грецию и отнесу яблоки Эврисфею. Не стоит тебе утомляться. Ты и так устал от вечных скитаний.

Однако Геракл сразу разгадал эту неловкую хитрость.

— Я согласен, о небодержатель, — отвечал он. — Пусть будет по-твоему. Но непривычная тяжесть больно врезается мне в плечи. Позволь же мне сделать мягкую подушку и подложить под этот груз, а там ступай куда хочешь.

Добродушный Атлант не привык иметь дело с обманщиками-людьми.

Он сейчас же поверил Гераклу и покорно взвалил на себя небо, ожидая скорого освобождения.

Но на этот раз Геракл не сдержал своего слова. Подняв с земли свой верный лук, дубину и колчан, он взял яблоки и сказал Атланту:

— Прости меня, благородный Атлант! Я обманул тебя. Но ты сам знаешь — даже я не в силах выполнять твою великую работу. Не сердись на меня. Оставайся с миром.

— Увы! — вздохнул в ответ опечаленный великан. — Ты прав, Геракл. Я не сержусь на тебя. Это я сделал нехорошо, когда хотел поступить с тобой бесчестно. Ступай и ты с миром, и да будет тебе лёгок твой долгий путь.

Так они расстались. Чтобы отблагодарить доброго хозяина, Геракл ударил своим мечом по скале, возвышавшейся невдалеке. Чистый, как хрусталь, источник тотчас же хлынул из рассечённого надвое утёса — и мирной прохладой повеяло на бессонного держателя неба. Умиротворённый титан остался стоять на своём вековечном месте, Геракл же отправился в Грецию. А тот океан, на берегу которого он обманул титана Атланта, люди и до наших дней зовут

Атлантическим. Одиннадцать великих подвигов совершил на службе у царя Эврисфея непобедимый герой Геракл. Одиннадцать раз возвращался он с победою в старые стены аргосской столицы. Даже завистливый и жадный Эврисфей начал наконец чувствовать себя в долгу перед своим великим

слугою. Он подобрел и приказал возвратить Гераклу золотые яблоки, добытые им в садах Гесперид.

Но в то же время, готовясь послать своего могучего слугу на последний, двенадцатый подвиг, он придумал для него самое страшное, самое опасное дело. Он решил отправить Геракла в царство бога Плутона — Тартар.

— Глубоко под землёй, — говорили греки, — в вечном мраке, в древней сырости и холоде лежит это мрачное царство. Ни один луч не проникает с освещённой солнцем земли туда, в тёмный Тартар. Ни единый звук не доходит до его чёрных глубин.

В глубоком молчании катятся подземные реки Стикс, Ахерон, Коцит. Чёрная вода их беззвучно лижет чёрные скалы. Даже совы и летучие мыши боятся залетать в эти страшные подземелья. Только в двух или трёх местах на земле есть глубокие и узкие горные щели, дикие расселины и пещеры, сквозь которые можно пройти в царство Плутона.

Живые люди никогда не проникают туда. Лишь когда человек умирает и тело его хоронят в земле, тень человека быстро летит, точно лист, гонимый ветром, к дикому входу в Тартар, спускается вниз, в сырость и мрак и навсегда остаётся там. Седой старик Харон за мелкую медную монетку перевозит её в дырявом челне на другой берег реки Стикса.

Нет человеческим теням выхода из Тартара на землю: все выходы из него стережёт бессонный пёс Цербер. Три головы у этого недремлющего стража, три головы на длинных шеях, и с каждой шеи спадает вниз густая грива — не из волос, а из страшных ядовитых змей. Длинный хвост у злого Цербера, но взглядишь: это не хвост. Это свирепый дракон вырос у него на спине. Он свивается в кольца и развивается, высовывает острое жало и шипит. Горе тому, кто захочет, миновав страшного Цербера, выбраться из подземного царства обратно на свет! С громкими стонами печальной толпой скитаются тени умерших людей по острым камням Плутонова царства. Они тоскуют по солнцу и теплу, они грустят обо всём, что им было мило на радостной, светлой земле. Но выйти оттуда они не могут.

Так говорили греки. И вот царь Эврисфей приказал Гераклу спуститься в Тартар и, поймав адского пса Цербера, привести его на цепи в Аргос.

Все содрогнулись от страха, услышав такой приказ. Громко заплакали жалостливые люди: страшно было даже подумать, что живой человек должен спуститься туда, где толпятся только тени давно умерших. Но герой с радостью выслушал этот последний, двенадцатый приказ.

Прежде чем пускаться в путь, он сходил в город Элевсин, к мудрецам, которые жили там и не боялись смерти. В глубокой ночной тишине, при мерцающем свете факелов, старейший мудрец шепнул ему на ухо волшебное элевсинское слово: оно освобождало от страха смерти каждого, кто его услышал. Узнав это слово, человек уже ничего не боялся.

Смело направился после этого герой в дикие скалистые горы, где была расщелина, ведущая в тёмный Тартар.

Чем дальше он шёл, тем тесней сдвигались вокруг него остроконечные голые утёсы, тем глубже и мрачнее становилась долина. Перестали звенеть цикады, скрылись куда-то птицы. Только змеи зловещим шипением провожали шаги могучего. Серые жабы расплзались из-под его ног, да серые вороны, сидя на засохших деревьях, хрипло каркали ему вслед. Наконец среди ядовитых кустов волчьего лыка он увидел чёрное жерло пещеры. Холодом и сыростью, смертью и тлением веяло оттуда; от этого холода вздрогнул даже смелый воин, победивший Лернейскую гидру и Немейского льва.

В последний раз взглянул он вверх, в далёкое синее небо, на белые весёлые облака, потом взялся за ветви ядовитого кустарника и перешагнул через страшный порог. Но в тот же миг кто-то взял его под руку.

— Не бойся, сын Зевса, — сказал звонкий молодой голос. — Наш отец послал меня, чтобы я довёл тебя до дворца Плутона. Иди за мной. Не в первый раз мне приходится проходить этот страшный путь.

Геракл оглянулся и увидел рядом с собой улыбающегося юношу с лукавыми глазами, с крылатым жезлом в руке. Маленькие крылышки трепетали у него на круглой шапочке; маленькие крылышки были и на тонких сандалиях. Плутоватый взгляд его так и бегал вокруг. Геракл сразу узнал в нём своего старшего брата.

Это был Гермес, небесный посол и вестник, бог торговцев, выдумщиков, изобретателей, а также бог всякой хитрости и плутней.

Рука об руку с ним спустился бесстрашный герой под мрачные своды подземного царства.

В страхе прянули в стороны лёгкие тени умерших при виде живого человека, облачённого в панцирь, с львиной шкурой на плечах. Только одна тень осталась на месте, оставив на путников страшные неподвижные глаза. Геракл узнал её — то была ужасная Медуза Горгона. На голове у неё росли не волосы, а змеи, тяжёлый взор её обращал в каменный столб каждого, кто случайно взглядывал ей в глаза.

Нахмурясь, поднял было Геракл свою тяжёлую палицу, но Гермес тихонько коснулся его локтя.

— Не тревожься, брат, — шепнул он, — ведь это не сама Медуза, это только её бессильная тень. С тех пор как великий Персей, герой такой же смелый, как ты, убил её, она уже не может принести никому вреда.

Геракл опустил палицу, и они прошли мимо.

Тени толпами носились вокруг них, вздыхая, плача и жалуясь на свою судьбу. Многих знакомых встретил среди них Геракл. Много раз останавливали его тени, прося защиты и помощи.

Но он ничего не мог сделать для них.

Наконец вдали, в глубоком мраке, встал перед ним пышный и тяжёлый дворец Плутона, хмурого царя подземного мира.

Плутон насупил было брови, увидев перед собой живого Геракла. Но когда тот шепнул ему на ухо волшебное элевсинское слово, морщины на его лбу разгладились. Милостиво выслушал он просьбу героя и, подумав немного, сказал:

— Хорошо, сын брата моего, Зевса. Пусть будет так, как ты просишь. Я позволю тебе увести моего

верного пса в мир живых. Но для этого ты должен сам, без всякого оружия в руках, найти, поймать и сковать его. Ступай, и да сопутствует тебе удача.

Тотчас же пустился Геракл на поиски Цербера. От каменистых, скользких от гнили и плесени берегов Ахерона донёсся до него издали грозный тройной лай и рычание. С камня на камень прыгал, спеша напасть на человека, трёхглавый пёс.

Опёршись на верную дубину, ждал его Геракл, и когда страшный зверь со злым воем бросился ему на грудь, он отшвырнул далеко прочь палицу, стиснул мощными руками сразу все три его шеи. Неистово рвался и бился в этих объятиях злобный сторож подземного царства. Змеи, росшие у него на гриве, яростно впились в рыжую шкуру льва. Хвост-дракон тщетно разил медно-блещущий панцирь. Всё было напрасно — руки Геракла сжимались всё туже.

И вот наконец поникли три головы свирепого пса. В страхе припал он к ногам героя и с

жалобным визгом стал лизать ремни его сандалий. Тогда Геракл приковал Цербера к прочной цепи и вывел из тёмного Тартара на землю. В ужасе завыл и затрепетал рождённый во мраке пёс, как только первый луч солнца коснулся его глаз, — ведь он никогда не видал дневного света. Ядовитая пена заклубилась на трёх его мордах, и там, где капли падали на тёплую землю Греции, выростала ядовитая трава аконит.

Наконец Геракл, ведя за собой Цербера, прибыл в Аргос. Едва взглянув на чудовище, Эврисфей закрыл лицо руками и, убежав, забился в самый дальний покой своего дворца.— Довольно, Геракл,

довольно! — кричал он. — Я не смею держать у себя на службе того, кто победил саму смерть. Сведи скорее это чудовище обратно в тёмный Тартар и потом ступай куда хочешь. Ты совершил все двенадцать подвигов. Наказание кончилось. Боги простили тебя. Ты свободен. Так и случилось.

Геракл отвёл Цербера назад в дикие горы и выпустил его в чёрную расщелину земли.

Сам же он наконец вздохнул

полной грудью и вернулся в Шивы, где ждала его верная жена Мегара.

Вот и закончен рассказ про двенадцать деяний Геракла.

Подвигов много ещё совершил он до славной кончины,
Но невозможно певцу, богоравного славу исчерпав.
Всё до конца передать, что о нём говорили потомки.
Время бежит да бежит. Над землёю проносятся годы.
Слава людей увядает, но слава народов — бессмертна.
Греческий мудрый народ воплотил себя в дивном Геракле,
И до скончания веков никогда мы о нём не забудем!

